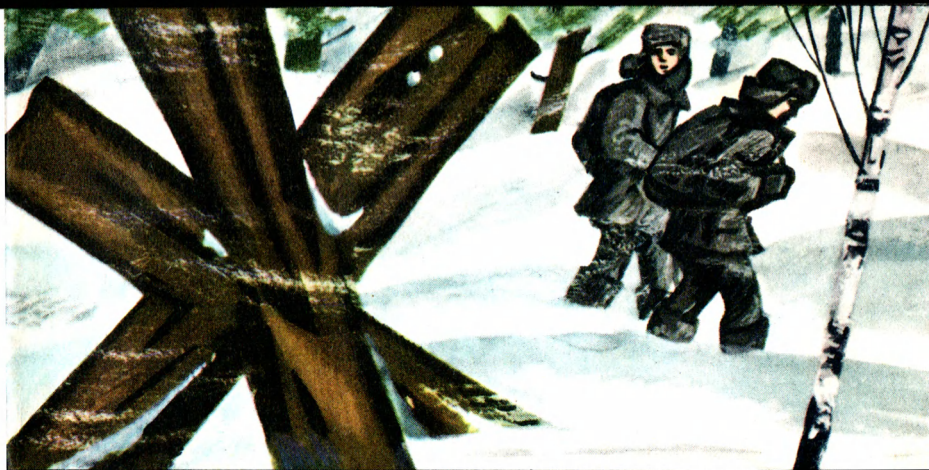

ЧЕСТЬ

ОТВАГА

В. Смирнов

В суровое время войны я встретил вблизи пепелища сожженной почти дотла деревни мальчишку-подростка... Сидел он на опушке леса и на фанерной крышке трофейного ящика что-то рисовал... Поразил меня не «взрослый» сюжет картины — оживающая раненая береза, которой выпало расти на поле, где прошел бой, — а сам художник, которого война тоже не пощадила: мальчик рисовал, держа кисточку во рту.

НА ЗЕМЛЕ ВОЛОЦКОЙ

МУЖЕСТВО

ЧЕСТЬ • ОТВАГА • МУЖЕСТВО

Василий СМИРНОВ

НА ЗЕМЛЕ ВОЛОЦКОЙ

ПОВЕСТЬ О МУЖЕСТВЕ

Москва
«Молодая гвардия»
1979

- Смирнов В. И.**
С50 На земле Волоцкой: Повесть о мужестве. — М.: Мол. гвардия, 1979. — 112 с., ил. — (Честь, Отвага. Мужество.)
20 коп. 100 000 экз.

В документальной повести «На земле Волоцкой» рассказывается о судьбе директора школы В. Н. Ильина. Во время войны еще подростком он потерял руки и наполовину зрение, но, несмотря на это, смог найти свое место в жизни и быть нужным людям.

С $\frac{70302-156}{078(02)-79}$ —251—79. 4700000000

ББК 74.214
373

ИБ № 1743

Василий Иванович Смирнов

НА ЗЕМЛЕ ВОЛОЦКОЙ

Редактор **А. Лобанова**
Художник **А. Сухорунов**
Художественный редактор **Б. Федотов**
Технический редактор **З. Ходос**
Корректор **В. Назарова**

Сдано в набор 28.11.78. Подписано в печать 01.06.79. А04644.
Формат 70×108 $\frac{1}{32}$. Бумага типографская № 3. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 4,9 + 8 вкл. Учетно-изд. л. 5,8. Тираж 100 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 2033.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Суцевская, 21.

В суровое время войны, когда наши войска только что выбили фашистов из Подмосковья, я, находясь в армии, встретил вблизи пепелища сожженной почти дотла деревни мальчишку-подростка, на вид лет тринадцати. Сидел он на опушке леса, вихрастый, в длинных холищовых портах, в рваной ситцевой рубаше, и на фанерной крышке трофейного ящика что-то рисовал. Возле него толпились такие же босоногие мальчишки, девчонки. С живейшим интересом наблюдали они за его работой, вполголоса переговаривались:

— Березка-то... у Витьки как живая...

— Смотри... листочки появились... Во-о здорово-то!

— Как настоящая...

Я подошел ближе. Под яркими мазками густой акварели оживала на фанерке березка с обожженным, расщепленным стволом, желтела внизу развороченной глиной воронка от снаряда. Но поразил меня не «взрослый» сюжет картины — оживающая раненая береза, которой выпало расти на поле, где прошел бой, а сам художник, которого война тоже не пощадила. Мальчик рисовал, держа кисточку во рту. Вместо рук у него были обмотанные потемневшими бинтами культы. Ими он слегка придерживал кисточку. Не было у парнишки и правого глаза.

Я уже не следил за его рисованием, а думал, как же сложится жизнь этого паренька.

1. ТАЙНА ЯДРИНСКИХ КУРГАНОВ

День, который Витюшка с таким нетерпением ждал, наступил. На заключительном занятии перед летними каникулами директор школы, учитель истории Дим Димыч, заявил старшеклассникам:

— Идем в воскресенье на разведку. — И сразу же без лишних слов уточнил: — Собраться в 9.00 у школы. Взять с собой лопату или топор. Форма одежды рабочая. Много не болтать, сохранять тайну.

Любил Дим Димыч объясняться с ребятами по-военному кратко и точно, хотя сам даже на вид не военный: сутулый, хромой, тощий, с зачесанными назад длинными, уже седеющими волосами, всегда неизменно в своей серой с широкими карманами толстовке-френче. Зимой и летом ходит без головного убора и только в сильные морозы появляется на воле в серой мохнатой шапке. Собирал он разный материал по истории деревни, окружающей местности и не раз обещал ребятам:

— Как-нибудь пойдем на курган. — Он не говорил зачем. Но все понимали — копать.

...Встал в это воскресное, солнечное, июньское утро Витюшка рано. Не спалось; легко, по скрипучим ступенькам лестницы в сених поднялся на чердак. Там под драночной крышей возле незастекленного окошка на ящике лежали карандаши, кисточки, тюбики с красками, на обрешетке строил развешаны рисунки, а рядом — на подрамнике находилась незаконченная картина, которую он рисовал, — вид из окна. Изба у них на красном посаде, окнами на курганы, покрытые густым зеленовато-розовым цветущим клевером. На самой вершине, как зоркий дозор на страже, возвышаются несколько старых-престарых елок. Все это уже в красках перенесено на холст.

Внизу, на улице слышались звонкие ребячьи голоса. Выглянув в окошко, увидел Витя друзей: смуглого, похожего на Пушкина Гришку Цыгана, остроносого, узколобого, с рыжим хохолком на затылке Сашку Птицу, круглолицего толстяка-увальня Володьку Маканцева. В руках у них лопаты.

Спустившись с чердака, Витюшка забежал в избу, схватил со стола горячую лепешку.

— Мы с Дим Димычем на курганы, — доложился Витюшка матери, хлопотавшей у чела печки.

На лавочке у избы сидела в черном повойнике бабушка, кормила малюсеньких, пушистых, как одуванчики, цыплят. Рядом, возле изгороди усадьбы, сгорбившись, на пне отесывал топором колышки дедушка. Седая борода у него тряслась.

— Распугал цыплят-то, шальной, — рассердилась на внука бабушка. Что-то проворчал дедушка, поспешивший помочь бабушке собрать брызнувших в лопухи цыплят. А Витюшка, схватив стоявшую у амбара лопату, уже бежал по тропинке, догоняя ушедших товарищей. За ним увязался младший брат Алешка.

Дим Димыч с кучкой ребят уже ждал их у околицы.

— Ого, сколько вас собралось! — одобрительно отозвался он, встречая запаздывающих... К явной досаде мальчишек, появились и девчонки, тоже с лопатами.

Шли школьники нестройной гурьбой по размытой утренним дождем проселочной дороге. И все громко фантазировали, перебивая друг друга, как они разроют курган и узнают тайну, что находится там, глубоко под землей. Одни говорили — княжеская могила одного из Рюриковичей. Другие — большой клад, зарытый в древние времена. Девчонки толковали о какой-то чепухе: о необыкновенных перстнях, браслетах, янтарных бусах. Мальчишек же интересовало оружие: кольчуги, шлемы, копья...

Дим Димыч, припадая на правую ногу, только улыбался.

— Меня интересует, ребята, другое, — отозвался он, отвечая на чей-то вопрос. — Идем мы с вами по древней Волоцкой земле. В наших краях находился Волок, через который новгородские купцы в давние времена перетаскивали свои суда по суше до ближайшего русла реки. Может быть, курганы расскажут нам кое-что об этом.

Шел Дим Димыч с палочкой в руке, подставляя вет-

ру свою непокрытую голову. За плечами у него на ремне небольшая шанцевая лопата. Витюшка глядел на него влюбленными глазами. Он мечтал тоже стать учителем. И обязательно истории.

Искоса Витюшка поглядывал и на бойко шагавшую среди девчонок, с распушенными темными кудряшками Нинку Серегину.

— А что, наша деревня давно существует? — спросил он учителя, вышагивая рядом. Сбоку вприпрыжку не отставал Алешка. У Дим Димыча заблестели глаза.

— Вот, может быть, дружок, курганы и эту тайну могут нам раскрыть? Думаю, что деревня наша стоит несколько веков...

Нинка вдруг спросила у Дим Димыча:

— А почему два кургана рядом?

— Я расскажу, — пообещал учитель.

За разговорами не заметили, как дошли до елок на вершине кургана. Над ними разгорелось огненным костром выплывшее из облаков солнышко. Голубело очистившееся от ночной грозы небо. Далеко-далеко синели в легком прозрачном мареве едва обозримые, сливающиеся с горизонтом темно-зеленые лесные дали. А ближе равнина, прошитая серыми нитями проселочных дорог. Выделялись на ней темными пятнами окрестные селения, большие и маленькие, с белыми колокольнями церквушек. Были заметны, если внимательно приглядеться, даже пасшиеся на полях колхозные стада.

«Вот бы здесь рисовать...» — думал Витюшка, отойдя немного в сторону и глядя на открывшиеся дали.

И Дим Димыч не спешил. Он тоже любовался расстилавшейся перед ним панорамой.

— Хотите знать, почему здесь появились одновременно два кургана, а не один?

— Хотим!.. Хотим!.. Расскажите, — сразу же загалдели ребята, и громче всех звучал голос Нинки Серегинной.

Ох уж эта сероглазая, смуглолицая Нинка со сво-

ним острым, задорным языком и мальчишескими повадками! Сколько негритяностей Витюшка из-за нее перетерпел! И так друзья-приятели частенько подсмеиваются, что он равнодушен к ней. А началось с того, что... В прошлом году угощал он ее семечками, и она, стрельнув на него своими серыми, с прозеленью, как у лягушки, глазами, ласково поблагодарила:

— Спасибо, дорогой Витенька!

Витя, вспоминая эти слова, не мог до полуночи заснуть. А на другой день Нинка пошла из школы домой с другим.

Собрались вокруг учителя, и тот медленно начал:

— О наших курганах много легенд сложено. Одну из них я вам расскажу. Шло на Русь чужеземное войско...

— Орда? — уточнил Гришка.

— Об этом не сказано, возможно, и орда... Попалась им на пути небольшая деревушка...

— В каком веке? — снова переспросил Гришка, любивший точность.

— Не знаю. Но очень давно... Жила в этой деревушке необычной красоты девушка. Увидел ее вождь чужезмцев и решил взять в жены. Но... — голос Дим Димыча зазвенел. — Эта девушка была русская, гордая. Она не захотела стать рабыней чужеземца и смертельно ранила вождя. Вождь умер... Тогда все войско остановилось. Устроили торжественные поминки. Вождя похоронили вместе с конями и верными слугами. Деревню спалили... А девушку не стали убивать. Обрядили ее в парчу и соболей, надели на шею жемчуга и золотые украшения. И вместе с подругами живехонькой закопали в землю. Раз при жизни вождя она не стала его рабыней, то после смерти должна быть рядом неотлучно... И на могилах насыпали два кургана...

Сердце у Витюшки сжалось. Красивая и жуткая легенда — представил: стоят на дне могилы девушки, а сверху сыплется земля.

— Ну а теперь начнем. — Учитель подошел к осы-

павшейся яме на самой вершине возле елок, где, очевидно, уже кто-то начинал раскопки. — Рыть будем здесь.

Витюшка, засучив рукава светлой в полоску рубашки, поплевал на свои ладони, узкие, мальчишеские, но уже огрубелые, взялся было за лопату. Но тут внизу, в деревне, отгороженной от подошвы курганов мелководной речкой, затрезвонил набат, били в чугунную доску. «Пожар!» — сразу же мелькнула мысль, пригвоздив ребят к месту. Но небо над деревней чистое, ясное, нигде не дымило, а набат у пожарного сарая продолжал трезвонить. И вдруг с колокольни церкви в соседнем селе Горбатове ударил и зазвонил колокол.

— Что-то случилось!.. Пошли, ребята... — быстро, тревожным голосом скомандовал учитель.

Не сговариваясь, ребята напрямик, клевером, помчались обратно к деревне, из которой уже доносился шум. И когда, запыхавшись, они появились на прогоне, донеслось:

— Война!

2. ВОЗМУЖАНИЕ

Разом изменилась жизнь в деревне. Так же по-летнему светило солнышко, но тоскливо было на душе. По-прежнему зеленели поля и ласково журчала в прибрежных кустах речка, но обычные ребячьи забавы никому из мальчишек на ум не шли. Осталась незавершенной у Витюшки картина на чердаке. Позабылись курганы с их неразгаданной тайной! Война... Взрослых в деревне оставалось все меньше и меньше: уходили на фронт и на оборонительные работы. Теперь в деревне только женщины да старые и малые.

— Тебе, Анна, что? — говорили соседки матери, — у тебя двое помощников.

Мать соглашалась. Старший умел и косить, и вознакладывать, и за плугом ходить. У младшего тоже были

свои заботы по хозяйству: загнать корову на двор, накормить поросенка, кур. Жить можно, если бы не горе вокруг.

А год выдался урожайный. Буйно наливались на полях озимые и колосились яровые. На покосах трава стояла по пояс. Никогда прежде так дружно не шла уборка урожая, как этим летом. Все понимали, что хлеб нужен фронту. Вместе со взрослыми на колхозных полях трудились и школьники. Ребята подбирали скошенную пшеницу, возили снопы к овинам, подгребали сено, теребили лен. Возвращались после работы домой уже в сумерках, усталые, с опаской поглядывая на озаренное вечерним закатом небо, по которому почти каждую ночь, протяжно урча, вражеские самолеты летали бомбить Москву.

У каждой избы на усадьбе теперь был вырыт окоп. Под бревенчатым настилом в земляной траншее часто ночевала и вся семья Витюшки.

Подходила осень. Если раньше улица в вечернее время звенела от девичьих песен, переливов баяна, на котором умел залихватски играть секретарь комсомольской организации Сережка Беликов, то теперь деревня безмолвствовала. Даже дворняжки тявкали редко и робко.

— Проклятый Гитлер! Всю жизнь поломал, — жаловалась немногословная мать Витюшки. С тех пор как умер отец Витюшки, умер он от злой болезни — чахотки, мать замкнулась, а теперь и подавно была на слова скупа.

...Первого сентября мать спозаранок не разбудила Виктора. Школа закрыта.

Все же Витюшка с ребятами не утерпел и сбегал на слободку, к белокаменному зданию под крутой тесовой крышей, стоявшему на пригорке над речкой. Окруженная тополями, липами, кленами, школа выглядела зеленым островком на околице, среди утоптанной скотиной земли. Явились к школе и девчонки. Потолкались все у запертой двери и стали расходиться.

На прогоне попался Серега Беликов. Вел он с пашни на поводу захромавшую колхозную лошадь.

— Завтра с утра в поле, картошку рыть, — остановив ребят, предупредил он.

— Знаем, — отозвался за всех Витюшка.

...В первых числах октября из райисполкома пришло в деревню распоряжение — приступить к эвакуации колхозного скота. Объявил о нем на сходке у пожарного сарая председатель колхоза Субботин. И хотя он говорил негромко, не повышая голоса, у всех было впечатление, словно грянул гром. О том, что немецкие войска после непродолжительного осеннего затишья на Западном фронте снова перешли в наступление, колхозники уже слышали. Но что враг находится совсем близко, дошло до людей только теперь.

— Что будем делать, граждане? Куда девать будем свой личный скот? — оглядывая собравшихся, советовался Павел Павлович Субботин. В деревне его уважали за ум, приветливое, справедливое отношение к каждому и не случайным вот уже много лет подряд выбирали председателем. — Как, граждане? Угонять или немцам оставим? Пускай они пользуются?

И молчавшая сходка сразу взорвалась.

— Угоня-ять!.. Не оставлять врагу!.. — слышались одновременно десятки голосов. — И нам надо уходить...

Домой Витюшка примчался стремглав.

— Колхозную скотину завтра эвакуируют, — запыхавшись, едва переступив порог, сообщил он. — У кого есть коровы, овцы, тем тоже советуют эвакуировать. Что будем делать с нашей Зорькой? А то съест ее Гитлер...

Мать сразу, осев на лавку, заплакала. Бабушка, часто хворавшая последнее время, слезла с печки, что-то зашептала, крестясь перед иконами. Дед, размахивая руками, принялся ругать и немцев и наших.

— Довоевались?! — неизвестно кого спрашивал он. — Добрались и до нас...

В этот хмурый октябрьский вечер плакали не только в избе Витюшки. Вся деревня была охвачена тревогой: уходить или оставаться — решали в каждой семье.

— Куда же мы, старые, пойдем? — грустно подытожила бабушка. — Чем умирать на дороге, лучше дома.

— Не на большаке живем, в захолустье, — хриплым голосом успокаивал дед. — Может быть, к нам и не доберутся.

Мать молчала. Знала, что с хилыми стариками и с двумя ребятами далеко не уйдешь и много на себе не унесешь.

Молчал и Витюшка. Теплился в тесном углу перед строгими ликами святых красный огонек лампадки. Над пузатым старинным комодом висели потемневшие от времени фотографии близких людей. В простенке над мутным зеркалом выделялся вышитый матерью в три цвета рушник. В углу блестели медные шары железной кровати. Разве можно было оставить здесь одних бабушку с дедом и куда-то уйти?

Ночью, просыпаясь, Витюшка видел, как дедушка, а потом и мать зажигали фонарь и выходили на двор, очевидно, к Зорьке. Слышал разговор:

— Кончится война, вернут ли ее нам?

— Дадут взамен другую, — обнадеживала мать.

К утру, когда еще не рассвело, народ загалдел по деревне. Витюшка тоже поднялся. Вышел проститься с Зорькой. На дворе под соломенной кровлей, в полутемном закутке было тихо, тепло. Палево-коричневой масти Зорька, подогнув под себя в белых чулках ноги, спокойно лежала, пережевывая жвачку. Она поглядела на склонившегося к ней Витюшку, взяла у него кусочек хлеба, потом, очевидно, в знак благодарности лизнула теплым шершавым языком его руку и тяжело вздохнула.

— Прощай, Зорька... Не скучай без нас, — тихо уговаривал он корову. А на душе было тоскливо.

Вернулся в избу, а там Алешка рассказывает матери, что Серегины эвакуируются, уезжают к родным за Москву. «Значит, Нинка тоже уезжает», — думал Витюшка.

Зашумели люди на улице, замычали коровы. Выгоняли скотину из колхозного скотного двора. Выводили коров из своих дворов и колхозники. Плакали женщины. Что-то наказывали погонщикам.

Мать вывела Зорьку. Зарыдала, обняла, припав к коровьей шее. Рядом с Зорькой шел Алешка и гладил ее. Глаза у брата тоже заплаканные.

Среди мальчишек и девушек-погонщиков находился Серега Беликов. Одет по-дорожному в сапоги, ватник, туго перетянутый широким солдатским ремнем. На прощание Сергей вздумал собрать ребят-школьников. На прогоне у Ефимова дома сошлось человек двадцать. Витюшка тоже тут.

— Вот что, ребята! Вы пионеры. — Сергей говорил как-то особенно строго, сдвинув на затылок свою круглую из черной овчины шапку. — Комсомольцев у нас в деревне фактически не осталось. Ушли в армию. Вот вам наказ. Воевать с фашистами можно и в деревне.

И хотя Серега ничего толком больше не сказал, ребята поняли. Оставаясь в деревне, они заменяли комсомольцев. Вскоре вместе с другими погонщиками Серега погнал скотину по Михайловской дороге на восток. Коровы шли неохотно, мычали, оглядываясь, словно прощались. За ними, сгрудившись, следовали овцы. Ребята проводили рогатых «беженцев» до леса и вернулись обратно, с тревогой поглядывая на сумрачное осеннее небо. Только бы не налетели проклятые фрицы. Дали бы стаду подальше уйти в лес.

Вслед за скотиной по дороге уходили и люди с котомками за плечами. Кто оставался, с тоской глядели вслед. Нинка Серегина в накинута на плечи плюшевой жакет-

ке, раскрасневшаяся, забежала к Ильиным в избу. Жила она рядом, на одном посаде, за пять домов.

— Пришла проститься, — сообщила она домашним Витюшки.

Попрощалась со всеми. Как-то по-особому внимательно и долго посмотрела на Виктора, заметно волнуясь, словно хотела что-то сказать. Он вышел проводить девочку до калитки.

— Увидимся ли мы, Витя? — тихо спросила она в сенях. Из-под сдвинувшегося на самый лоб теплого вязаного платка на него глядели большие с прозеленью глаза.

— Увидимся, — так же тихо произнес он, вдруг осмелившись, ничего больше не говоря, крепко поцеловал ее в губы. Первый раз в жизни поцеловал девочку. Она тоже обхватила его за шею теплыми дрожащими руками, крепко поцеловала в ответ и убежала. Он долго потом стоял с закрытыми глазами в сенях, кружилась голова, сильно билось сердце.

А в избе готовились прятать вещи. Что поценнее, запрятывали в амбаре. Сундук с праздничной одеждой зарыли на усадьбе. Витюшка слазил на чердак, забрал главное свое богатство — краски, кисточки — и запрятал в подполе, под перевод. Хотел было убрать с чердака свою недорисованную картину, но раздумал, оставил на месте. Вряд ли немцы польстятся, а в подполе она могла отсыреть.

Дня через два колхозное стадо с погонщиками вернулось обратно в деревню. Оно не успело уйти далеко. Вражеские войска, прорвав нашу оборону в октябре под Вязьмой, замкнули фронт на северо-востоке, в районе Калинина и Волоколамска. Уцелевшая Зорька, взлохмаченная, с опавшими боками, сама явилась к дому, рогами оттолкнула ворота и сразу же легла в своем закутке, тяжело дыша.

— Пришла, умаялась, родимая... Сердешная ты наша, — суетились возле коровы мать, бабушка и дедуш-

ка, не зная, радоваться или печалиться ее возвращению. Вечером долго обсуждали, где надежнее сохранить корову от гитлеровцев. Решили за хлебом устроить небольшой закуток, обложить его со всех сторон картофельной ботвой, соломой, слегка присыпать землей. За светом взялись за работу.

— Дай мне, я сильней, — потребовал у матери Витюшка лопату. Рыл до тех пор, пока не набил на руках кровавые мозоли.

А на деревне в это время разводили по дворам колхозную скотину, продолжали раздавать общественное имущество. Плелись по дороге обратно и попавшие в окружение беженцы. Серегинны не вернулись. Очевидно, они сумели вовремя уйти к своим за линию фронта. Не возвратился домой и Сергей Беликов. Был разговор в народе, что подался он к партизанам.

3. ГИТЛЕРОВЦЫ ПРИШЛИ

В деревне обосновалась немецкая тыловая часть. Танки, самоходные орудия, вначале заполнившие деревенскую улицу, ушли дальше к Москве.

В самых лучших избах поселились офицеры. В остальных разместились солдаты. Все оставшиеся в деревне жители, даже подростки-школьники, переписаны оккупантами. У каждого свой номер.

У Витюшки тридцать пятый.

Отлучаться из деревни без разрешения нельзя — иначе расстрел. К вечеру, как только начнет смеркаться, безвыходно сиди дома. Увидят на улице — застрелят.

— Вот наступила жизнь-то! — тоскует дома Витюшка, невольно прислушиваясь к чужому говору в большой горнице. Там поселился со своим денщиком долговязый, угрюмый майор. Каждое утро, как только мать подоит Зорьку, денщик является с пустой кринкой. Майор очень любит молоко. Это пока спасает Зорьку.

Теплится в каморке за перегородкой перед строгими ликами святых еле живой огонек в красной лампадке. Туда, за перегородку, вместе с иконами переселилась все никак не выздоравливающая бабушка. Чаше, чем обычно, стуча лбом о холодные половицы, бабушка горячо молится и шепчет про себя: «Спаси и помилуй заступник от врагов лютых...»

Рядом в холодной летней горнице ютятся мать с ребятами и дедушка. Ложатся спать теперь рано. А днем Витюшка все же выглядывает на улицу.

Теперь в школьном здании конюшня. Нет ни избы-читальни, ни сельсовета, ни клуба, куда раньше Витюшка с ребятами заглядывал. Ничего не осталось от прежней привычной жизни. Ни-че-го!

Выйдешь лишний раз на улицу, опасливо оглядываясь, не попасть бы кому из гитлеровцев на глаза! Любой солдат может заставить вычистить ему сапоги или сунет в руки ведро — «Вассер!» И погонит за водой.

Не видно и ребят, словно вымерли. Тоже все дома отсиживаются, в четырех стенах, где даже свои шепотом разговаривают.

Прозвенел пожарный набат.

— На сход! — проносится по деревне тревожная весть.

— Я пойду, — срывается с места Витюшка. Надевает стоптанные сапоги, нахлобучивает рваную шапку, на плечи телогрейку.

— Осторожнее, — напутствует мать.

Снова трезвонят в чугунную доску, торопят. По дороге медленно плетутся люди. Деревенская улица запружена тяжелыми грузовиками.

Проходят часовые. Комендатуру Витюшка минует стороной. У распахнутых настежь ворот пожарного сарая стоит стол, накрытый белой скатертью. За столом два офицера в черных мундирах — гестаповцы. В стороне толпятся жители и среди них молчаливый Дим Димыч в старом драповом пальто с поднятым воротни-

ком и по-прежнему с обнаженной, теперь вдруг сильно поседевшей головой.

— Жители села! — обращается переводчик к собравшимся. — Оккупационные власти разрешают вам выбрать старосту. Он будет доверенным лицом у властей.

Собравшиеся молчат.

И наконец кто-то из задних рядов несмело выкрикивает:

— Субботина Пал Палыча...

И опять гробовое молчание.

— Субботин? — спрашивает переводчик. — Кто такой? Он здесь?

К сараю выходит бывший председатель колхоза.

— Земляки! — слышит Витюшка его взволнованный голос. — Увольте. Стар уже я... не могу. — Лицо у Субботина бледное, седая голова непокрыта.

Но односельчане молчат.

— Оккупационные власти утверждают 'ваше, жители, решение, — сообщает переводчик.

Идут дни... Жить становится все страшнее. Уже расстреляно несколько пришлых людей, попавшихся немцам в деревне. Ходят гитлеровцы по избам и берут что им приглянется. Особенно плохо красноармейским семьям, у них угнали коров, овец. Покушались увести и Зорьку, но денщик, опасаясь майорского гнева, рьяно встал на защиту коровы.

В декабре ударили крепкие морозы. Завьюжило, замело все дороги и тропинки. То и дело сгоняют жителей деревни расчищать подъездные пути. Эта повинность в семье Ильиных лежит на Витюшке.

И тут пришла радостная весть. Было это во второй половине декабря. Встретившись с Витюшкой во время расчистки проезжего большака, Гришка Цыган отвел его в сторону и сунул в руку смятую листовку.

— Наша... советская, — шепнул он. — Нашел две в снегу. Одну тебе дарю. Понял!

А в листовке сообщалось о разгроме немцев под

Москвой, о начавшемся наступлении Красной Армии.

В этот день в деревне о наступлении советских войск шепотом, тайком в каждой избе разговор.

Оккупационные порядки в деревне становились все строже. Появилось много приказов на воротах пожарного сарая, и в каждом из них угроза. «Расстрел, если у кого в избе заночует чужой человек!», «Расстрел, если будет оказано какое-либо содействие партизанам!», «Расстрел, если...»

За два дня до Нового года, когда скупое зимнее солнце озарило заваленные снегом крыши построек, гитлеровцы вытолкали старосту Субботина из избы. Неодетого, без шапки подвели к пожарному сараю и расстреляли. «За связь с партизанами!» — покатила по деревне молва. О делах партизан, укрывшихся в дальних лесах, знали даже мальчишки.

На другой день после гибели старосты новая весть еще более потрясла Витюшку. Гитлеровцы без какого-либо допроса на опушке леса возле деревни расстреляли Дим Димыча.

«За связь с партизанами», — снова пронеслось по деревне.

Жители деревни боялись теперь без особой надобности выходить из дому. Притихли и мальчишки. Шмыгал из избы в избу только смелый Гришка Цыган. Он и принес еще одну горькую весть. Серегу Беликова, когда шел на задание, на дороге от леса немцы схватили и расстреляли.

День ото дня морозы все крепчали, доходили почти до сорока.

— Крещенские, — объяснил внукам дед. — Зима всегда в это время лютует.

А немцы вели себя беспокойно. Одна за другой, надрывно тарахтя, уходили на Горбатово и дальше на запад тяжело груженные машины со снарядами, бочками горючего. Увозили все, что завезли в начале поздней осени.

— Драпают ворюги-супостаты, — довольно поглаживал свою седую бороду дед. С нетерпением в деревне ждали Красную Армию. Вдали на востоке слышалась канонада, и в сумерках розовело небо от далеких пожаров. «Может быть, завтра придут наши», — каждый вечер, ложась спать, загадывал Витюшка.

Утром затрезвонили в чугунную доску.

— Пришли наши! — обрадовался было Витюшка.

Но звонили немцы, собирая житселей на сход. На этот раз у пожарного сарая, напуганные недавними расстрелами, жители деревни собрались быстро. Офицер-гестаповец сообщил:

— По приказу фюрера доблестная германская армия в стратегических целях отходит на запад, чтобы завлечь Красную Армию в котел и затем уничтожить... — И тут же огласил приказ: — «Жители деревни! Сегодня в обязательном порядке эвакуируются все зарегистрированные трудоспособные и уходят с нашими войсками. Кто ослушается, не подчинится приказу, будет на месте расстрелян, а его дом сожжен».

На сбор давалось два часа. Притихшая толпа зашумела, заволновалась и рассыпалась по домам. Люди забегали из избы в избу. Послышались крики, вой. Женщины голосили словно по умершим.

Витя представил себе, как вынесут на снег больную бабушку, выйдут дед, мать, Алешка. Немцы обольют крышу избы бензином... Нет, этого допустить он не может.

— Я убегу, мама, не беспокойся, — бормотал он срывающимся голосом, когда домашние стали уговаривать не ходить, запрягаться в подполе.

Мать собрала Витюшке торбу с продуктами, сунула туда пару белья. А по посадку уже шли автоматчики, стучали в окна, поторапливая. Раздалась автоматная очередь...

Когда Витюшка явился, у пожарного сарая толпились односельчане с котомками и вещевыми мешками.

Началась переключка по списку. Услышал свой номер 35. Рядом находился его друг Гришка Цыган. Володьки и Сашки не было. Они осенью схитрили, «помоделели» и в список трудоспособных не попали. Собралось человек шестьдесят. Под причитания и слезы провожавших конвоиры погнали ядринцев по дороге в сторону Ржева.

Угоняемые уже брели час, другой по проселочной дороге, проходя занесенные снегом одну деревню за другой. А мороз все усиливался. Уже приближался вечер.

Шли Витюшка и Гришка в одном ряду. Понимали, что и другие тоже замышляют бежать. Но рядом конвоиры, нацеленные автоматы.

Гнали их не большаком, занятым войсками, машинами, а по плохо укатанным проселкам. Кругом снега, кустарник. А позади, на обочине дороги, чернели в снегу обессиленные замерзающие люди. Колонна редела. Конвоиры уже упавших не пристреливали, оставляли замерзать.

Только в густых сумерках вечера, когда измученных длинной тяжелой дорогой, промерзших людей привели в какое-то большое село и стали загонять в пустое с выбитыми окнами здание МТС, наиболее смелые и сильные стали разбегаться. Витюшка с Гришкой тоже ускользнули от конвоя. Ползком по глубокому снегу добрались они до сараев, зарылись в сено, немного отогрелись, прижавшись друг к другу. Так провели ночь. А утром, до рассвета, ребята были уже в лесу. Возвращались окольными путями...

Утром нестерпимо холодно. Но тихо, безветренно. Скрипел под ногами снег, перехватывало дыхание.

...По снежной целине поля, попав под минометный обстрел, они ползли вперед. Оставалось немного. Небольшой лес, за ним должно быть ядринское поле. Об-

стрел усиливался. Теперь уже и орудийные снаряды с глухим треском взрывались то там, то тут, вздымая облака снега. Но мальчишки упорно пробирались домой. И когда Витюшка в просветах деревьев увидел вдали постройки деревни, что-то ухнуло впереди, и он, ткнувшись лицом в снег, потерял сознание.

— Убит! — испуганно крикнул Гришка.

Взвалив на себя друга, Цыган потащил его к деревне.

Ядрино в это время доживало последние минуты. Вдоль посадок шли солдаты с факелами и поджигали избы. Длинные языки пламени лизали стены, огненными снопами взлетали вороха искр. И вскоре на месте деревни бушевал огромный костер. К полуночи все было кончено. Из ста двадцати домов осталось десятка полтора.

4. ВОСКРЕШЕНИЕ

...Очнулся Витюшка ночью. Лежит на покрытом простыней столе. Светит керосиновая лампа. Желтый из еловых досок потолок то опускается на него, то уходит куда-то ввысь. Слышит рядом голос:

— Подорвался... Кажется, очнулся... Глаз открыл... Силится Витюшка рассмотреть, где он. В глазах резь. Вздогнул от укола.

— Потерпи, хлопец, сейчас легче будет, — голос человека в белом халате, с марлевой повязкой на лице спокойный и ласковый. Второй укол раненый ощутил слабее и впал в забытие.

Очнулся только утром, обложенный ватой, забинтованный, не зная, что у него уже нет кистей рук, нет глаза, другой тоже поврежден.

На соседних койках лежат раненые, кто разговаривает, кто стонет, кто кричит в забытьи. Пахнет карболой, йодом, еще чем-то острым, тяжелым.

Рядом, наклонившись к Витюшке, кто-то, сверкая белками глаз, тяжелым простуженным голосом хрипит:

— Обкорнали нас с тобой, браток... Лазаря будем петь.

У соседа тоже обложены ватой и забинтованы руки, а заросшее щетиной лицо с застарелым шрамом, стянувшим щеку, искажено болью, покрыто капельками пота.

— Почему не на смерть... Беспомощный урод до гроба... — Глаза бойца наполняются яростными слезами. Он трясет головой, чтобы смахнуть их.

Ночью, проснувшись, Витюшка пытается натянуть на себя сползающее на пол одеяло и не может. Лежит он пластом. Чуть пошевелится — больно, жжет огнем.

— А ты, браток, зубами, зубами, — учит его бодрствующий сосед. — Кусай зубами. Такая у нас с тобой теперь жизнь.

Через несколько дней на фронтовой санитарной машине из военного госпиталя Витюшку перевезли в Москву в больницу. И поместили в обширную палату, заставленную кроватями с безрукими, безногими, слепыми и полуслепыми такими же, как и он, мальчишками.

Весна уже была в полном разгаре, когда Витюшкин врач, заканчивая осмотр, сообщил:

— Ну-с, молодой человек, можно возвращаться и домой. Завтра и отправим.

Сперва обрадовался. Домой! Увидит своих. Так соскучился! А потом стало страшно. Он уже привык к больнице. Здесь за ним ухаживают. С ложечки поят, кормят... Ночь спал плохо, бредил.

Утром после завтрака нянечка помогла собраться.

— Нужно бы еще полечиться, — беспокоилась она, — да больница переполнена. Много вас, несчастненьких, привозят, девать некуда. Ну, ничего, дома окрепнешь.

Снова на фронтовой санитарной машине Витюшку отправили домой. Пока ехали по Москве, с любопытством следил в окошко. Перегороженные стальными «ежами» улицы, мешки с песком и на перекрестках раз-

личные укрепления... Долго смотреть в окошко трудно — глаз начинал слезиться.

Возле машины собрался народ, когда санитар, осторожно поддерживая за плечи, вывел Витюшку из машины. И по узкой тропке пошли они к уцелевшему от пожара амбару.

— Привезли, — слышал он голоса. — Живой...

Выбежали навстречу мать, брат Алешка. Приняли у санитара, повели. Спотыкаясь, Витюшка шел, что-то отвечал матери. Лицо у матери в слезах. На плечах знакомый, когда-то прожженный Виктором платок. Курносый Алеша с обильно высыпавшими веснушками на уже загорелых щеках глядит так, словно впервые видит брата.

Костлявый, сутулый, коротко остриженный, опустив вниз пухлые от бинтов руки, Витюшка, согнувшись, сидел у бревенчатой стены обжиготого амбара, а рядом толпились родные, соседи, ребята...

— Какой же ты, внучок, желтый, калеченый вернулся, — причитала бабушка, обнимая, — где же твои рученьки?

Витюшка молчал. Лучше бы он остался там, в Москве... лучше бы умер.

А деревенская ребятня долго еще бесцельно топталась около безучастно сидевшего парнишки. Глазели, шептались, а Витюшке хотелось спрятаться, остаться одному, на душе было невыносимо тяжело...

К вечеру схлынул народ, остались только свои. Но легче не стало. Начали Витюшку кормить с ложечки, сперва мать, затем бабушка. В больнице Витюшка как-то меньше ощущал свою беспомощность.

— Эх, горе мое горькое, — шепчет мать, и рука с ложкой у нее дрожит.

Потом его раздели, укрыли, поправили подушку. И теперь будет всегда так...

Ночью проснулся на деревянном топчане, прикрытый сшитым из разных лоскутков одеялом. Рядом на

полу на тюфяке сладко посапывает Алешка. За порогом полуоткрывшейся двери шевелятся кусты, с речки доносятся голоса лягушек... Попытался захлопнуть дверь. Ничего не получилось. С трудом лег, на культи опираться еще не мог. Одеяло пытался натянуть ногами. Тоже ничего не вышло. Плакал до тех пор, пока снова не уснул, свернувшись калачиком.

В последующие дни в амбар зачастили соседи. Каждый по деревенской привычке считал своим долгом побывать, навестить.

Особенно долго пробыла со стариками в амбаре ровесница и родственница бабушки Марфа Алексеева.

Перекрестилась на угол, откуда строго смотрел со старой закопченной иконы, которую бабушка успела вытащить из горевшего дома, Николай-угодник.

— Вот вашему болящему, — поставила перед Витюшкой на табуретку кружку с медом со своей уцелевшей от пожара пасеки. По военным временам мед неоценимый подарок. — Поправляйся...

— Спасибо! — пробормотал Витюшка и снова устался в окно.

— Ну как ваш мальчонок-то? — Бабушка Марфа говорила, будто Витюшки и вовсе не было в амбаре.

— Одни култышки остались, — вздохнула бабушка.

— Как же он теперь будет жить-то?

— Да уж известно — счастье его обойдет...

— Не поправился еще. Рано определять-то, — сердито отозвался дед.

Не любил он такие пустые бабьи разговоры.

— Может, кто в подпаски возьмет, — обнадежила гостя.

Витюшка, стиснув зубы, слушал. «В подпаски...» Раньше он мечтал, что станет учителем. И обязательно историком, как Дим Димыч. Он будет также учить ребят.

— Вряд ли, — сомневалась бабушка. — Какой из него пастух, если держать кнут-то нечем.

Старики продолжали с деревенской бесхитростной простотой предрекать ему судьбу.

— Помнишь, у нас в деревне жил Николай Мартыныч?

— Как же... мирской человек, — отозвался дедушка, любивший вспоминать прошлое.

По-прежнему крепко сжав зубы и не шелохнувшись, Витюшка слушал. Он и раньше от стариков в деревне слышал про мирского человека Николая Мартыныча. Еще в царское время, а затем и в первые годы Советской власти жилал он по череду в каждой ядринской избе. Не было у Николая Мартыныча ни кола, ни двора, а все имущество — что на нем да небольшой узелок со сменой белья. Переночевав у одних, переходил в следующую избу. Сердобольные хозяйки кормили, стелили на приступке возле двери дерюгу, на которой Николай Мартыныч и укладывался на ночь. Уже больного под руки переводили, а затем и переносили из избы в избу. И так он жил, пока не умер у кого-то в избе на череду. Мысленно Витюшка представлял себе этого мирского человека — высокий, костлявый, в сером зипуне, в лаптях, заросший бородой, с копной нечесаных седых волос на голове.

И вот теперь Марфа Ивановна предрекала Витюшке такую же участь.

Ночью он опять не спал. Уткнувшись лицом в подушку, тихо, чтобы никто не услышал, плакал.

...Шли солнечные теплые дни, не принося никакой радости, а только новые огорчения. Оправившись после дороги, Витюшка все чаще выходил из амбара. Устроившись у стены на лавочке, грелся на солнышке и болезненно встречал прибегавших к нему мальчишек. Как грачи, рассаживались они на пряслах изгороди, все в майках, глазастые, загорелые, нестриженные, словно на показ выставив свои здоровые, сильные руки...

— Ну как, поправляешься? — спрашивали ребята.

Односложно отвечал. Заметно дичился, не вступал сам по своей охоте в разговор. И думал: «Уходили бы скорее».

Замолкали и ребята, не зная, о чем говорить.

— Ну, мы пошли.

Слышал их неосторожный разговор:

— Кормят его теперь как галчонок...

В деревне ведь все на виду, все известно.

«Зачем приходили?» — думал Витюшка, озлобляясь на ребят, на самого себя. Остро ощущал он теперь, что ребята относятся к нему покровительственно, как к какому-то несмышленицу малышу. А он не хотел ни жалости, ни покровительства. Хотел быть таким, как все... Ничто теперь его не интересовало. Раньше живой, разговорчивый, любознательный, он стал теперь даже среди своих домашних молчаливым, раздраженным.

Первое время, завидя подходивших ребят, прятался в кустах или наказывал бабушке:

— Скажи ребятам, что сплю...

5. ВСЕ СНАЧАЛА...

Мальчишки все же появлялись на усадьбе. Может быть, виновата была тропинка к реке, пролежавшая рядом с усадьбой. По-прежнему приводил их неугомонный и настырный Гришка. Считал он своим долгом побывать у друга, как-то развлечь, успокоить.

— У нас теперь возле деревни резервная армия расположилась, — хвалились ребята своей осведомленностью. — Через наше Ядрино второй эшелон обороны Москвы проходит.

Мальчишки все знали: где вырыты новые окопы, где появились долговременные земляные укрепления. Вразнобой, перебивая друг друга, рассказывали, что в лесах замаскированы танки, тяжелые орудия и даже конница.

— Будут биться за наше Ядрино насмерть! — утверждали они.

Появлялись они ненадолго. У них свои дела, заботы, к которым теперь Витюшка непричастен. Когда оставался один, бродил по заросшей густым бурьяном усадьбе. Завистливо поглядывал вниз на речку, где в жаркую погоду с утра и до вечера плескалась крикливая ребятня.

И наконец однажды Виктор осмелился прогуляться. Спустился вниз к речке, тропинкой прошел мимо одинокой могилы безымянного красноармейца, погибшего зимой в 41-м году. Направился к Березовому клину. Шел лугом среди белых ромашек, потом полем. Теперь он даже васильки сорвать не может... Сразу же на закрайке поля наткнулся на работавших колхозниц. Впрягшись в плуг, покрикивая друг на друга, в одних рубашках и юбках, натужно передвигая босые ноги, бабы и девки вспахивали прошлогоднее жнивье.

— Чего глазеешь?.. В женихи теперь, парень, не годишься, — крикнула какая-то горластая, нахальная девка и напрямик и бесстыдно свою мысль пояснила.

И Витюшка вспыхнул. Съежившись, юркнул в кустарник. Вгорячах запнулся за какую-то корягу, упал и, не в силах сразу подняться, пополз, стараясь скрыться поскорее от людей. Только на берегу возле речки с трудом поднялся на ноги. Рядом блестел широкий омут. По краям зеленела осока. Выглядывали из травы голубые незабудки, кружились нарядные мотыльки. А он ничего этого не видел. Только омут положит конец этой ненавистной жизни... Витюшка отошел на несколько шагов — нужно было место для разбега.

И тут его окликнули:

— Витюшка, купаться, что ли, захотел?

Из кустов вышел и стоял перед ним с ножом и срезанными прутьями Иван Иванович Сидорин. Раньше он жил в Петербурге, работал на Балтийском заводе, а в годы революции переселился в родную деревню.

— Я так... ничего, — весь вспыхнув, испугался Витюшка.

— Чего задумал-то? — строго осведомился Сидо-

рин, пытливо глядя на Витюшку. И почти силой усадил рядом на бугорок.

— Садись, посидим поговорим... У каждого в жизни своя судьба-дорога. У одних гладкая, ровная, хоть шаром покати. А у тебя ухабистая, тяжелая... даже очень тяжелая. И потому радости у тебя будут свои, трудом обретенные... А раз ты их не получишь, а завоюешь, смысл у жизни особый будет.

Витюшка молчал, весь красный от смущения. Домой пошли вместе. После разговора стало как-то легче на душе.

Дома все заняты делом. Бабушка, старенькая, в длинной юбке, босая, на усадьбе возле амбара стирает в корыте какие-то тряпки. Рядом дед с Алешкой пилят обгорелое бревно на дрова.

— Не спеши, тяни к себе, — покрикивает он на Алешку, рукавом рубахи обтирая пот с покрасневшего лица. Дед заметно устал и начинает сердиться.

...Все при деле, один только Витюшка не знает, куда себя деть. Даже сам обслужить себя, надеть очки или повязку не может. Приходится просить домашних.

— Идите обедать, — слышен голос матери с пепелища, где среди кучи щебня чернеет печка с высокой трубой-дымоходом. На кольях изгороди висят пустые кринки, жестяные банки. Вернувшись с поля, мать уже истопила печку. Гремя ухватом, наливает из чугуна в общую глиняную плошку похлебку, забеливает молоком. Тут же, под засохшей после пожара липой, вся семья и обедает. Порхают юркие воробьи; чуть что, они уже хозяйничают на сколоченном дедом из неструганных досок столе. Рядом разгуливают уцелевшие от пожара две курицы и петух. — Покорми брата, — напоминает Алешке мать, видя, что Витюшка сам пытается взять культиями ложку, ртом отломить кусок хлеба, и ничего у него не получается.

— Нет, давай попробуем, как вчера, — просит он Алешку.

Алешка с полуслова понимает.

Осторожно и плотно привязывает он тесемкой к забинтованной культе брата ложку. Тот морщится, но терпит. И вот Витюшка медленно, сдерживая дрожь, конечно, половину проливая, все же сам несет ложку ко рту.

Все стараются не смотреть на Витюшку, на лужицу супа у тарелки, ведут обеденную беседу.

— Колхоз восстанавливаем, — сообщает мать, — собрали на конный двор плуги, бороны, все, что уцелело...

— Ясное дело, в одиночку не проживешь, — откликается бабушка.

Кончили обедать, мать снова спешит в поле на работу.

Остальные тоже разошлись по своим делам. И опять Витюшка остается без дела. Беспокойно и тоскливо слоняется по усадьбе. Алешка копается на пепелище.

— Витек! — кричит он брату. — Знаешь, что я выкопал? — В руках у него запаханный в золе продолговатый фанерный ящичек. — Твои краски. Нашел под обгорелыми бревнами.

Витюшка вспомнил. В день прихода немцев спрятал он ящичек с красками в подпол, засунул под перегород. Алешка взглянул повнимательнее на помрачневшее лицо брата, затих. И сразу же умчался на улицу.

Ящичек с красками лежал на скамейке. Витюшка глядел на него, а на сердце было очень тяжело.

Весной в прошлом году он принес свои рисунки в школу, и все хвалили: «Способности у тебя есть и, несомненно, большие», — отметил тогда Дим Димыч.

Вечером с работы вернулась мать.

— Опять загрустил, — сказала она, взглянув на сына. — Ну чего ты голову вешаешь? Вон сколько людей с войны без рук и без ног возвращается, не один ты... Свою и мою душу травишь. Сидишь как святой на

иконе... — И тут же, прослезившись, осеклась, понимая, что старшему и без ее попреков тяжело.

А утром, встретившись с ребятами в поле, мать просительно напомнила им:

— Тоскует мой парень... Извелся весь. Заглядывайте почаще к нему. Сам на народе стесняется показываться.

— Ладно, тетка Анна, зайдем, — доброжелательно отозвались парнишки.

Мальчишки после встречи, возвращаясь домой, тоже вели промеж себя разговор.

— Ребята... Он же наш товарищ, — горячо убеждал Гришка, более других переживавший увечье друга. А слово «товарищ» для Гришки было равноценно словам «родной брат». — Помогать надо... Мы в лес или на речку, и его с собой...

На следующий день ребята зашли за Витюшкой. Он одиноко сидел в амбаре, мрачный, насупившийся. Перед ним на ящике лежали краски, кисточки...

— Пошли на улицу, — предложили ребята. — Ты что накраसился-то?

Лицо у Витюшки было в мазках краски, особенно губы и подбородок. Он заметно смутился, отвернулся.

— И не обижайся, что кличут тебя в деревне Безруким, — сразу же пошел в атаку Сашка. И тут же пояснил: — Меня вот все Птицей зовут, а я нисколько не обращаю внимания. В деревне все с кличками.

— Иди, иди, внучок, на люди, — бабушка легонько подталкивала Витьку в спину.

Ребята за изгородью подождали, пока бабушка умоет его.

Всей гурьбой заглянули на прогон, где сгрудилась большая колонна грузовиков: везли на фронт снаряды, ящики с какой-то техникой. Несмотря на вечер, взрослые в деревне все еще работали. Слышались голоса, стук топоров.

— Обстраивается наша деревня, — толковали между собой мальчишки. Считали, сколько новых изб и землянок появилось за это время. А потом, устроившись поудобнее, расселись на бревнах у пожарного сарая. Вечер тихий, звездный. Светила полная луна. По улице взрослые девчата гуляли с красноармейцами. А у мальчишек, тесно сгрудившихся на бревнах, шел свой разговор. Подошли девчонки и с ними Нинка Серегина. Она только на днях вернулась из эвакуации.

— Ты куда? — спросил Гришка, когда его друг приподнялся с бревен. Что-то невнятно пробормотав, Витюшка снова устроился на своем месте, сгорбившись, опустив вниз забинтованные культы. Искося следил. Нина в светлом платье примостилась на самом краю бревна. Может, она в сумерках его культы и не разглядела? Хорошо, если бы не заметила.

Загудели за курганами самолеты — по звуку определили — вражеские, и мальчишки сразу разошлись.

А на следующий день Витюшка снова достал из-под койки ящичек с карандашами, кисточками, красками. Зубами открыл крышку. И чем больше смотрел на свои рисовальные принадлежности, тем сильнее ему хотелось начать рисовать. Накануне он уже пробовал забинтованными культями держать кисточку, карандаш, теперь снова... Нет, ничего не получается. Взял в рот. Пятнами ложатся мазки. Главное, надо крепче держать зубами... еще крепче. Заслезился под очками от напряжения полуждоровый глаз.

Теперь каждый день, когда оставался один, снова принимался рисовать.

6. НЕ ТРОНЬ БЕРЕЗКУ!

Свою Зорьку, которую мать и Алешка во время пожара успели вывести со двора, братья пасли по очереди. Коров и другой живности в деревне осталось немно-

го. Общественное стадо только еще создавалось. Сразу за прогоном начинался небольшой березовый лесок. Возле леса трава густая, сочная, Зорьке приволье. Устроившись поудобнее на траве, Витюшка спокойно наблюдал за коровой. Лениво обмахиваясь от мошкары хвостом, она щипала траву, изредка оборачиваясь и посматривая на Витюшку, словно спрашивая — оставаться ей здесь или можно уйти подальше.

На опушке ребятня копалась под дубняком в жухлой прошлогодней траве, отыскивая еще не сгнившие летосные желуди, отрывала из земли корешки. Дома эти корешки и желуди сушили, толкли в ступе и, смешивая с отрубями, пекли лепешки.

Рядом приметная березка, полусухая, с расщепленным стволом. Памятная. Сашка клятвенно утверждал, что возле этой березки немцы расстреляли учителя. Не верить Сашке нельзя. Он человек честный.

Кто-то из мальчишек подошел к березке, подпрыгнув, наклонил деревце, пытаясь отломить ветку.

— Не тронь, — закричал Витюшка, задыхаясь от волнения. И, вскочив, неожиданно для себя поддал плечом мальчишку: — Не трогай. Тут Дим Димыч погиб...

— А тебе хворостину... жалко? — загалдела ребятня, окружив безрукого. Мальчишки сразу настроились воинственно.

Кто-то советовал:

— А ты двинь ему как следует. Драться-то Безрукий не сможет.

На Витьку надвинулся Пашка, самый заядлый драчун из его бывшего класса. С ним еще до войны Витюшка сходил на кулаки, и неприязненные отношения сохранились. Он тоже подзуживал:

— Ну что, Черный глаз, теперь только плеваться и можешь!

Вспыхнув, Витюшка молчал, но не отступил.

И мальчишки ушли.

Ночью Витюшка спал тревожно, все снилось ему,

что мальчишки вновь покушаются на березку. «Отойдите прочь!» — кричал он, расталкивая мальчишек... здоровыми руками. Но мальчишки все же березку не сломали.

Наутро с ящиком красок еще до завтрака Витя пришел на опушку леса и, устроившись поудобнее на бугорке, стал рисовать березку. Рисовал с невиданным раньше упорством, даже с ожесточением, до боли в зубах и култых сжимая кисточку.

Витюшка больше не опасался, что березку на опушке леса мальчишки сломают. Она уже «переселилась» к нему на картонку. Неделю спустя «Березка» висела на самом видном месте амбара, на бревенчатой стене напротив двери. Пожалуй, это было самое лучшее, что он сумел до сих пор нарисовать.

Но болели натруженные за эти дни «руки», десны во рту кровоточили, и больше обычного слезился глаз. Нарисовав «Березку», Витя надолго охладел к краскам. Трудно!

7. НО Я ТОЖЕ ХОЧУ УЧИТЬСЯ!

Началось с того, что друзья-приятели, встретив Витюшку на речке, сообщили:

— Красноармейцы нашу школу ремонтируют, осенью занятия начнутся.

Издали на краю деревни белело каменное здание.

Витюшка нахмурился, молча посмотрел на свои «руки» и отвернулся. Ребята сразу смутились и больше разговоров о школе не заводили. А вечером он долго опять не мог уснуть.

Никто из домашних не слышал, как, спрятав лицо в подушку, Витюшка горько плакал. Что толку, что он приспособился сам держать ложку, нарисовал кисточкой «Березку». Жизни-то без школы, без учебы все равно не будет.

На другой день Гришка зашел к нему. И начал напрямик о деле:

— А что, если ты будешь ходить только читать и слушать, а от писанины тебя освободят? А потом рисовать ты можешь?.. Можешь! А писать разве труднее?

Витюшка уставился на него.

— Ртом?

— Конечно. А ты попробуй, — и Гришка вытащил из-под койки ящичек с красками.

— Давай сперва я напишу, — Гришка достал карандаш, сунул себе в рот и, крепко сжимая зубами, попытался что-то написать на листе бумаги. Выглядело написанное удручающе. Неразборчивые буквы налезали друг на друга.

— Это у меня не получается, — обескураженно объяснил Цыган. — А ты же упорный!

Гришка не предполагал, уйдя домой, какая буря поднялась в душе Витюшки. Научиться писать! Научиться во что бы то ни стало, как бы ни было трудно. Упрямства и вправду Витюшке не занимать.

Вставал и ложился он теперь с одной мыслью — подготовиться к школе. Если недавно рисовал, крадучись от домашних, то писать пробует при всех. Мать молчит. Главное, старший увлекся делом, не хандрит, как прежде.

Время быстро подходило к осени. День заметно укорачивался. Рано опускались сумерки. По вечерам иногда зажигали коптилку. В сплюсненную от зенитного снаряда медную гильзу был пропущен фитилек в склянку с керосином. Слабый желтоватый язычок пламени озарял бревенчатые стены, лицо Витюшки. Перед ним раскрытая тетрадка, в зубах карандаш...

Тяжело вздохнув, мать наливает старшему кружку парного молока:

— Пей, «школьник»!

Сын не обижается. Он уже научился самостоятельно

держат кружку, зажимая ее «руками». Не такой уж он беспомощный, как месяц назад.

— Отдохни, — советует бабушка, видя, что внук снова держит карандаш в зубах, — позеленел, как капустный лист, со своим писанием. Худущий как щепка.

Низко наклонившись над столом, Витюшка продолжает писать, придерживая карандаш культиями. Не зажившие еще полностью раны под бинтами снова закровоточили. Хорошо, что мама не видит. Алешка успевает до прихода матери «руки» перебинтовать.

8. А Я ВСЕ-ТАКИ ПОЙДУ В ШКОЛУ

Занятия в Ядринской школе начались после завершения полевых работ в конце сентября. Для матери было полной неожиданностью намерение сына идти в школу.

— Зачем? — спросила она.

— Буду с ребятами учиться.

Отговаривать, огорчать старшего сына не хотелось. Пускай сходит вместе с ребятами. Сам осознает, что не может учиться.

— Наденешь новую рубашку, которую я тебе сшила... Ботинок вот нет.

...С утра выдался погожий, солнечный день. Когда мальчишки зашли за Витюшкой, он уже их ждал. Принарядился в светлую с зелеными крапинками рубашку, на шее пионерский галстук. Босые ноги, за лето покрывшиеся цыпками, теперь тщательно отмыты. На лавке в холщовой торбе лежат старые учебники, тетради. Лямка торбы давно уже накинута на шею. Услышав голоса ребят, сразу же выскочил из амбара.

Ребята тоже принарядились, особенно девочки. Все дружно пошагали в школу. Вслед вышла из амбара мать. Прикрыв ладонью козырьком глаза, смотрела вслед. Младший уже раньше убежал в школу, а теперь

отправился и старший. Как все его сверстники. Мать плакала.

— Дойдет и вернется, учительша отошлет обратно, — пророчила бабушка.

— Не отошлет, — возражал дед, — но пользы-то мало! Слушать только сможет... В этом не вся учеба.

В классе Витюшка по-прошлогоднему расположился на своем обычном месте, в третьем ряду у окна. Отремонтировали школу красноармейцы основательно: не только починили двери, рамы, но и побелили внутри. После долгого перерыва все выглядело как-то незнакомо.

— Не верится даже... — признавался Сашка Птица, любовно поглаживая свою парту. — Так я стосковался по школьной жизни.

Витюшка молчал. Красные пятна проступали у него на впалых щеках.

— Смотри не робей, — наказывал ему Гришка. Сам же гоголем расхаживал по классу, начальственно покрикивал на девчонок. Такой уж у него был независимый характер, любил он покомандовать.

Забежал из соседнего класса младший брат и, увидев Витюшку, дружелюбно кивнул стриженной головой.

Ребята из окрестных деревень удивленно глядели на культи.

В предыдущие годы Витюшка в школе ничем не выделялся, разве только спокойным характером, неторопливой толковой речью. Ребята его любили. Знали, что Витюшке можно доверить любую тайну и он не проговорится.

Его выбирали звеньевым в пионерском отряде. Был он дважды старостой в своем классе и ко всем ребятам относился одинаково.

В коридоре звякнул звонок. Пришла учительница, она же и новый директор школы — Мария Егоровна. Высокая, темноволосая, худощавая. Внимательно оглядела собравшихся.

Сунув свои забинтованные культи под крышку пар-

ты, Витюшка сидел внешне спокойный, весь напрягшись внутри. «Если спросят, скажу, что писать тоже буду», — думал он, но учительница ничего не спросила. Она даже не взглянула на него.

— Начнем с диктанта.

Распотрошив несколько тетрадей, раздала каждому по листку. Положила листок на парту и перед Витюшкой, очевидно, машинально.

— Тетрадей больше нет, — пояснила она. — Обещали в воинской части помочь. А пока все, что тут...

Нагнувшись над партой, стараясь ни на кого не смотреть, сидел Витюшка.

— Будем писать карандашами, — пояснила учительница, по-прежнему не обращая внимания на Витюшку. — У кого нет карандаша, возьмите у меня...

Урок начался. В шероховатом безмолвии шуршали карандаши. Учительница медленно диктовала. Витюшка, низко наклонившись, тоже писал, держа карандаш во рту. Он в эти минуты забыл все на свете, не видел, как мальчишки и девчонки, особенно его друзья, то и дело отвлекаясь от своего диктанта, оглядывались на него. Они помнили, как дома, когда карандаш не подчинялся, Витюшка, измучившись, сердился:

— Ну чего пристали, не получается...

— Пиши, — требовали ребята, особенно Гришка.

И вот теперь он должен был доказать всем и особенно учительнице, что может писать, может учиться.

...Витюшка продолжал писать. Лицо от напряжения побелело, стекла очков начали покрываться испариной. Писал, теперь уже чувствуя, что учительница следит за ним, а ребята, успевавшие закончить предложение, оглядываются, перешептываются. Он писал...

«Неужели справится?» — думала Мария Егоровна, поражаясь упорству ученика. Стала диктовать медленнее, видя, что Витюшка с трудом поспевает. Наконец последнее слово. Точка.

— Проверьте и сдайте мне, — услышал тут же он

спокойный голос Марии Егоровны и облегченно вздохнул. Карандаш сам выпал изо рта. Оглянулся... не смеются ли над ним? Смех — самое страшное — его он так боялся. Тогда бы сразу убежал... Нет, никто не смеялся.

Быстро проверил и, взяв обеими «руками» листок, положил на стол учительницы. Ошибок не боялся: русский язык давался ему легко, писал он и раньше грамотно. Вот разберет ли Мария Егоровна его исковерканный почерк?

Приняв листок с диктантом, учительница снова ничего ему не сказала. Много позже он узнал, что его друзья, Сашка и Гришка, накануне побывали у Марии Егоровны и предупредили, что Витюшка тоже придет в школу и что он уже научился писать. Но пишет еще плохо и медленно.

На перемене друзья окружили Витюшку. Всех в классе интересовало, что получит за диктант Витюшка.

— На «отлично!» — стоял на своем Гришка. — Ты же раньше писал диктанты на «отлично». — Он верил в удачу друга, воспринимал ее как собственную. Свой диктант, он уже заранее знал, написал неважно.

А Витюшка молчал, чувствуя себя крайне усталым. Диктанту он отдал все свои силы. Судорога даже и теперь пробегала по спине. В окна светило солнце, в классе было весело, шумно. Подошла к Витюшке и Нина Серегина.

— Я видела, как ты писал... молодец!

Начался следующий урок. Пришла математичка Вера Павловна. Положила на стол старенький, потрепанный портфель.

— Успокоились? — осведомилась она, добродушно оглядывая класс. — Начнем, Гриша Цыганков, с тебя.

К доске Цыган вышел охотно, вразвалку, даже подмигнул ребятам, что, мол, ничего не боится. Написал алгебраическое уравнение, продиктованное учительни-

цей, и беспомощно затоптался на месте, искоса поглядывая на ребят.

— Не можешь, позабыл? — спросила Вера Павловна, по-прежнему добродушно улыбаясь.

Витюшка беспокожно заерзал на своем месте, вспомнил, в шестом классе они такое уравнение решали. Память у него была замечательная. Но как подсказать Гришке?

— Галя, помоги ему, — предложила учительница Воробьевой. Галя также вышла бойко, взяла мел, что-то написала и сразу же стерла. Тоже застряла у доски.

— Саша Корнев, можешь? — Но Птица, приподнявшись на месте, отрицательно закачал головой: не помню.

Учительница вздохнула.

— Как же быть с вами? Начинать снова учить материал шестого класса? Кто может решить?

Обвела глазами ребят. Класс настороженно безмолвствовал. И тут Витюшка решился: поднял свою забинтованную руку и тихо, срывающимся голосом сказал:

— Я могу...

— Ну что же, иди, — с заметным удивлением отозвалась учительница.

Класс замер. Неслышно ступая босыми ногами, он подошел к классной доске, а Галя и Цыган отправились на свои места.

И вдруг безмолвствовавший класс встрепенулся: безрукий, не удержав, уронил мел.

«Поднимет или нет?» — спрашивали глаза ребят. И... общий вздох облегчения. Нагнувшись, Витюшка с трудом поднял мел. Зажав его между кулечками, стал медленно писать. У ребят как-то по-особенному заблистали глаза.

— Решил правильно! — отозвалась Вера Павловна, подходя к доске. Тоже как-то по-особому внимательно взглянула на него. — Молодец!.. — Это слово, как знали ребята, была высшая похвала учительницы.

В этот день он чувствовал, что стал равным с ребятами... Он будет учиться. Это была, пожалуй, самая большая победа в его мальчишеской жизни. А главное, появилась уверенность в своих силах.

9. ДОСТОИН ЛИ ОН БЫТЬ КОМСОМОЛЬЦЕМ?

Шли месяцы. Как-то, вернувшись из школы домой, Витюшка заговорил с матерью о комсомоле.

— Будут ребят из нашего класса принимать. Я тоже хочу...

— Какой из тебя комсомолец? — недоверчиво отнеслась к желанию сына мать. — Слава богу, что учишься-то.

— А почему? — нахмурившись, обидчиво спросил он. Мать поняла, что опять по своей привычке резко ответила сыну.

— Тебе же труднее станет. Надо поручения выполнять, работу вести.

Все же слова матери заставили задуматься. Было и в самом деле страшновато. Комсомолец, в понятии Витюшки, это борец. А какая от него, безрукого, польза людям?

Но у ребят в школе ни у кого не возникло сомнения, когда Витюшка принес заявление, которое накануне вечером писал долго, тщательно выводя каждую букву.

Первому показал Гришке, тот одобрил:

— Написал ты лучше, красивее, чем я руками.

Все же Витюшка болезненно сморщился. Всякое упоминание о его неполноценности ранило с прежней силой.

Комсомольцы собрались в воскресенье днем в школе. Пришли из соседних деревень, из леспромхоза. Кустовая организация объединяла молодежь не одного только Ядрина. Собралось человек двенадцать. В расстегнутом ватнике, устроившись рядом со своими друзьями за партой, Витюшка ждал. Конечно, он волновался. Пришел из

леспромхоза секретарь Федя Буянов с гвардейским значком и медалью «За боевые заслуги» на гимнастерке. Он не местный, приезжий. Побывал на фронте, ранен в ногу. Долечивается в тылу.

— Давно не собирались, — счел нужным уведомить он ребят. — Моя вина. Но теперь будем собираться чаще.

Сидел за учительским столом, поглядывал на ребят-школьников. Седьмой класс полностью вступал в комсомол. Коротко проинформировав о положении на фронте, перешел к школьным делам, повел разговор об уплате членских взносов, о предстоящей районной конференции.

Начался прием. Первым разбиралось заявление Гришки, потом Володи Маканцева. Витюшка ждал. Ребят приняли... а его? Почему же секретарь отложил его заявление напоследок? Наконец услышал свою фамилию.

— А теперь расскажи о себе, — предложил секретарь.

А что рассказывать? Так же, как и предыдущие, Витюшка кратко, минуты в две, изложил свою биографию.

— Хочу быть в рядах комсомола, — добавил он, — в меру своих сил и способностей буду работать...

И сразу же почувствовал, что говорит как-то не своими словами, а книжно, словно читает по написанному. И вдруг совершенно неожиданно его спросила голубоглазая девица из соседней деревни:

— И как же ты собираешься работать?

— Буду работать, — Витюшка запнулся, не находя подходящих слов, покраснел, — как и остальные...

Но тут вмешались Гришка и Федя Буянов...

— Он же учится вместе с нами в школе, — первым ответил за Витюшку Гришка. — Разве это не работа?

— И учится хорошо, не отстает, — пояснил Федя.

— Учится лучше, чем я, — снова вмешался Цыган.

Сразу же сочувственно заговорили о Витюшке другие. Так же, как и остальные, Витюшка единогласно был

принят в комсомол. Когда он явился домой, мать сразу же подметила:

— Сияешь, словно ясный месяц. Поздравить, что ли?

Алешка явно завидовал:

— Тебе можно... За тебя все ребята.

Чтобы как-то успокоить брата, Виктор вынул из укладки свой пионерский галстук, протянул Алешке:

— Бери. Мой как новенький.

Недели через три ребят вызвали в райком.

Второй секретарь, миловидная девушка, подала ему новенькую серенькую книжечку, пахнущую типографской краской, поздравила.

По дороге домой Виктор догнал односельчанина-инвалида Никиту Королева, которого все в деревне звали Королем. В серой шинели с оборванным хлястиком, в истрепанной шапке-ушанке, поскрипывая деревяшкой, Король медленно ковылял по обледенелой дороге. Виктор пошел рядом с ним. Похвастался:

— Получил, дядя Никита, комсомольский билет.

— Чего? — не сразу понял глуховатый Король. — Ну-ну, двигайся в партийные. — Подумав и критически осмотрев парнишку, добавил: — А собственно говоря, тебе двигаться-то некуда. Подкузьмила тебя судьба. Жизнь у тебя теперь известная. Одна маета, а не жизнь...

— Может, и не так получится, дядя Никита?

— Ты не обижайся, что я так прямо говорю. Ты знаешь, я всегда каждому в глаза правду режу... И тебе тоже... Кто ты теперь? Ни богу свечка ни черту кочерга! Так же, как я теперь — колчак. — Никита пытливо глядел на своего попутчика.

«Надломили, видно, дядю Никиту годы, — думал Витя. — А я не сдамся».

Разговор Виктору был крайне неприятен. Он молчал.

— Теперь что... — часто кашляя, простуженным голосом сипел Король, — разве комсомольцы... Вот в наши годы, в двадцатые, были комсомольцы. Такие они дела делали... Газеты о них писали...

Виктор насторожился: интересно узнать о первых комсомольцах деревни. А Никита вдруг замолк, на лесной поляне остановился, снял шапку, перекрестился:

— Ты тоже сними... Молодая жизнь здесь загублена. — Видя, что спутник глядит на него широко раскрытыми, недоумевающими глазами, пояснил: — Васька Жуков... мой корешок, в юности смерть здесь принял.

И Виктор вспомнил, еще в детстве слышал о погибшем коммунисте Василии Жукове.

— В колхозную жизнь всех хотел увлечь. А его взяли да и лишили жизни.

Добрались до деревни затемно. Тихо, безлюдно. Казалась деревня вымершей. В сумерках теперь зажигали огонь только по делу: керосин стало трудно доставать, за большие деньги не купишь. Раньше, когда фронт проходил недалеко, выменивали на молоко или на яйца бензин у шоферов. Смешанный с солью бензин горел в копилке не хуже керосина.

— Сегодня ты что-то задержался, — осведомилась мать, когда Витюшка появился в избе. Подошла было к нему помочь раздеться.

— Я сам... Не надо...

Старший сын теперь стремился во всем обходиться самостоятельно. За ужином Виктор поинтересовался у дедушки, знал ли он Жукова.

— Как же... сверстник твоего отца... Такой чернявый. Большой правдолюб был, — оживился дед.

— Так и жениться не успел. Нашел свою смерть на дороге в лесу. — Вмешалась в разговор и бабушка.

А Виктор думал: «Надо разузнать, когда первые комсомольцы в деревне появились...»

10. ТРУДНАЯ ЗИМА

Прошла вторая военная зима, по-прежнему тревожная и голодная. Хлеба, что выдали в колхозе на трудни, хватило только до Нового года. Жили ядринцы

впроголодь — на картошке и овощах со своей усадьбы. Люди заметно отощали.

— Только бы дотянуть до солнышка, до весны, — толковали между собой старики и... умирали один за другим.

В эту зиму Виктор лишился бабушки и дедушки. Они ушли вслед друг за другом. Сперва бабушка. Утром она не встала, заснула навсегда. Дедушка дня три болел.

В последний день, когда остался вдвоем с Витюшкой, подозвал внука к себе.

— Давай попрощаемся, — слабеющим голосом сказал он. Тяжело, с хрипом вздохнул. — Мой конец приходит...

Глубоко запавшие глаза у дедушки смотрели осмысленно, с какой-то затаенной печалью.

— Трудно тебе будет, знаю... Но ты не унывай. Будь честен... Береги мать. Она больше тебя страдает...

Второй раз за эту зиму впряглись в сани мать и сыновья и повезли гроб на кладбище.

Сразу стало в амбаре пусто и тоскливо.

По-прежнему Виктор ходил в школу, тянулся изо всех сил за другими. Были дни, когда опускались руки и хотелось все бросить, не ходить больше в школу. Написать очередной диктант, собрав всю волю, он мог. Но писать, и много, каждый день в школе, держа ручку в зубах и только помогая «руками», порой сил не хватало. Дома снова многочасовая писанина.

А мать думала, глядя на стриженный затылок сына, склонившегося над тетрадью: «Хоть не тоскует, как раньше». В разговоре с соседями порой беспокоилась:

— Ночами за уроками сидит, не ослеп бы. Ведь зрения-то у него меньше половины.

Встречаясь на улице с учителями школы, интересовалась:

— Как мой старший-то? Не отстает? Неужто не хуже других? Даже лучше?!

Как-то остановил ее на улице старичок бухгалтер из леспромхоза:

— Есть такая артель в Волоколамске, где инвалидов ремеслу обучают, а затем и работу дают. Вот и надо тебе определить туда сына.

— Но он же учится в школе.

— Нужно учиться ремеслу, чтобы сам себе кусок хлеба добывал, — строго пояснил бухгалтер.

Шла домой и думала: «А может быть, бухгалтер прав? Учись не учись, руки новые не вырастут». Дома рассказала сыну о своем разговоре.

— А какому ремеслу меня научат?

Мать неопределенно повела плечами. Видела, разговор крайне тягостен старшему. Он и без рук по дому делает больше, чем младший, да и чем иной в его возрасте с руками.

«Пускай пока учится, а то крылья-то опустит и тогда впрямь калека», — мысленно решила она.

В последних числах марта прилетели грачи и почти сразу же за ними скворцы. Весна наступала стремительно, бурно. Побежали ручейки по раздрябшей, почерневшей дороге. Обнажились проталины, зазеленела на возвышенных местах луговина. Растаял снег, и опять оголилась вся в черных язвах и шрамах изувеченная деревня, ставшая снова неприглядной. За зиму, правда, прибавилось построек. Насчитывало теперь Ядрино двадцать четыре дома помимо землянок и времянок, в которых по-прежнему жили люди.

Вместе с весной подходили к концу и занятия в седьмом, выпускном классе Ядринской школы. Старшеклассники радовались: скоро экзамены и лето. Шли у них разговоры, как дальше у каждого сложится жизнь. Гриша мечтал стать трактористом, Володя Макарецв хотел ехать учиться в Москву — там жил у него брат. Саша Птица думал только о военном училище.

А Виктор по своей привычке молчал, не встревал в разговор. Хотя он, может быть, больше чем кто-либо из

семиклассников, думал в эти дни, как будет жить дальше.

Наступил торжественный день в жизни выпускников Ядринской школы, выпускной вечер. Накануне ребята сговорились о складчине. Каждый из дома принес что мог. Девочки из овсяной муки испекли пирог с творогом. На расставленных в классе столах в больших сковородках белел поджаренный на свиной тушенке картофель. В плошках лежали моченые яблоки, краснела прошлогодняя клюква. Стояли два жбана с хлебным квасом. Пришли учителя. Директор школы Мария Егоровна выступила с приветственной речью. В числе отличников назвала и Виктора. Виктор сидел за накрытым столом, наклонив голову, тоже принарядившийся в сатиновую желтую рубашку. Он не любил, когда его, особенно на-народе, хвалили. В стороне у дверей толпились родители учеников. Виктор заметил мать. Она вытирала слезы концами платка.

Декламировали. Хором пели. Девочки под гармонь танцевали. Среди мальчиков охотников танцевать не нашлось. Перебравшись к стене на скамейку, Виктор скромно поглядывал на танцующих.

Спустились сумерки, светлые, теплые, июньские. Ребята расходились домой. Кончился последний вечер в родной школе. Каждому было как-то грустно.

Случилось так, что Виктор и Нина, не сговариваясь, оказались вместе. Виктор чувствовал себя по-прежнему стесненно, не знал, о чем говорить. Бедовая Нинка тоже была почему-то молчалива. На ней был голубой сарафанчик, темные волосы стянуты пунцовой лентой. Такой миловидной он прежде ее не видел.

— Ты не боишься, что мальчишки опять будут обзывать «жених и невеста»? — вдруг спросила она.

— А ты? — вопросом ответил Виктор.

— Ничуть, — Нинка засмеялась и порывисто сама взяла его под руку. Но вскоре кто-то попался на-встречу, и она отстранилась.

Все одноклассники уже далеко впереди. Их голоса звучат за прогоном. У тополя остановились в белом платье Галя Воробьева и в светлой рубашке Гришка Цыган. Они очень сдружились в последнее время. Над курганами ярко в серебристом ореоле желтела полная луна. От ручья возле леса доносились соловьиные переливы. В белом цвете стояли яблони, вишни.

Нина с Витюшкой медленно брели вдоль уснувшей деревни. Говорили так — о пустяках, что придет в голову — и беспричинно смеялись.

— Я буду в Рамешках учиться в 8-м классе, — сообщила она. — А ты?

— Я тоже, — сразу же отозвался он.

— Вот и хорошо. Значит, опять будем вместе. — Она снова взяла его под руку.

Хотелось Виктору сказать многое, но почему-то слова не приходили. Под конец, когда уже нужно было расходиться, он осмелел и, сам не зная почему, напомнил об их прощании и поцелует перед эвакуацией.

— Мне казалось тогда, что вижу тебя в последний раз. Вот и решилась... — с каким-то задором ответила она.

И, растрепав ему на голове волосы, убежала домой.

Он вернулся к себе шальной от нахлынувшей радости и до рассвета не мог уснуть. А неделю спустя, когда вечером у школы на штабеле бревен собрались мальчишки и девчонки, Нинка сидела с другим. И не подошла к нему.

А он следил издали и думал, что за все в жизни надо бороться! За девчонку, чтобы она была рядом, тоже нужно.

Но как?

11. СЕМЕЙНЫЙ СОВЕТ

Мать знала, что старший хочет учиться в восьмом классе. Знала, но до поры молчала, не отговаривала. Хотела, чтобы он сам все понял. В Ядрине только семи-

летка. Чтобы заниматься в восьмом классе, нужно определяться в среднюю школу в районном поселке при станции или в соседнем селе Рамешках. Но и туда и сюда — путь неблизкий: десять километров с лишним.

Разговор о дальнейшей учебе сына зашел за ужином, когда мать вернулась с поля.

— Значит, хочешь в Рамешки? — спрашивала она.

— Да...

— Где же ты там будешь жить?

Он молчал: об этом еще не подумал. Казалось, что школа будет только подальше, чем в Ядрине, и никаких особых трудностей не возникнет.

— Придется снимать тебе у чужих людей жилье.

— А я в школе буду ночевать... Мне разрешат... или домой ходить, — неуверенно возражал он.

— Глупый ты... — мать протяжно вздохнула, — только тебе с твоим здоровьем да с нашими недостатками в Рамешках жить.

Сидела она на табуретке, уронив натруженные за день руки на колени. Виктор за столом. В углу притаился Алешка, слушая разговор. Сам он ни о какой дальнейшей учебе и не помышлял, только бы дойти и одолеть седьмой класс.

— А харчеваться где будешь? — продолжала допытываться мать.

Виктор уже не пытался спорить, все ниже опуская голову. На сердце было холодно. Под суровыми, справедливыми словами матери рушились его надежды.

— Значит, нужно тебя харчами обеспечивать. Нужна будет тебе справа — обувь, одежда. А где все взять? Уже наступили сумерки. В амбаре стемнело.

— Соображаешь? — уже более мягко спрашивала мать. — Ты теперь большой, должен понимать... — огрубевшими от работы руками притянула к себе, пригладила растрепанные белокурые волосы сына.

Мать в сплюсненной медной гильзе патрона зажгла фитилек. В полутемном амбаре с низко нависшим бре-

венчатым потолком было душно, стрекотал сверчок, на пороге кошка замыкала гостей. Коптилка светила неровно, чадила. На столе лежал испеченный утром каравай, прикрытый старинным самотканым рушником. Мать отрезала сыновьям по ломтю. Хлеб — более половины в нем лебеды и головыцы — был вязкий, липкий, как глина. В этом году они досыта еще не ели ржаного хлеба.

— Эх, ребятки, ребятки... Была бы мирная жизнь, все по-другому выглядело бы. А сейчас на трудодни выдали по сто грамм — не разжиреешь. Все на фронт идет. Только корова и кормит... Войне-то конца не видно.

Мать замолкла. Начала стелить постели.

Витюшка неслышно выскользнул за дверь на усадьбу. Прислонился спиной к развесистому тополю. Хотелось успокоиться. Нет, не жить ему никогда, как живут остальные. Не жить, потому что он изувеченный. Не дружить с Ниной или с какой-либо другой девчонкой. Всегда найдется соперник, а его удел — отойти в сторону.

«Нет, не отойду!» — вслух произнес он и оглянулся. Было до слез обидно понимать — мать права: не одолеть ей новых тягот. Одна пара сапог на двоих у них с Алешкой, а из одежды только то, что на плечах. Снять ему угол в Рамешках она не сможет.

В густых вечерних сумерках над притихшей, уставшей за день деревней спокойно синело звездное небо. Над курганами желтел полный месяц. Неслышно ступая босыми ногами по мягкой луговине, отправился машинально вдоль деревни к слободе.

На дороге показался на велосипеде Володя Макаревич. Увидев Виктора, прошуршав шинами, затормозил.

— Ездил к сестре в Горки. Ты чего здесь стоишь? Или кого ждешь?

— Да так... — Взглянув на велосипед, несмело попросил: — Дай я попробую.

Володя сразу же соскочил с велосипеда, помог Вик-

тору сесть. Мягкий, отзывчивый, Володя никому ни в чем не отказывал, иначе Виктор и не попросил бы. Поддерживая Виктора за сиденье, Володя толкал велосипед. Оба пыхтели, велосипед вихлял.

— Держись... упирайся в руль... Крути ногами. — Виктор, грудью навалившись на руль, пытался на скорости выровнять ход. Володя бежал возле, придерживая машину, пока оба вместе с велосипедом не завалились в дорожную колдобину.

— Ничего... получается... — успокаивал Володя, поднимая машину, — первоначально я тоже грохался.

Легко вскочив на седло, он быстро закрутил педали и скрылся. А Виктор долго глядел ему вслед. Если бы у него был велосипед! Ведь он тогда смог бы ездить в Рамешки в школу.

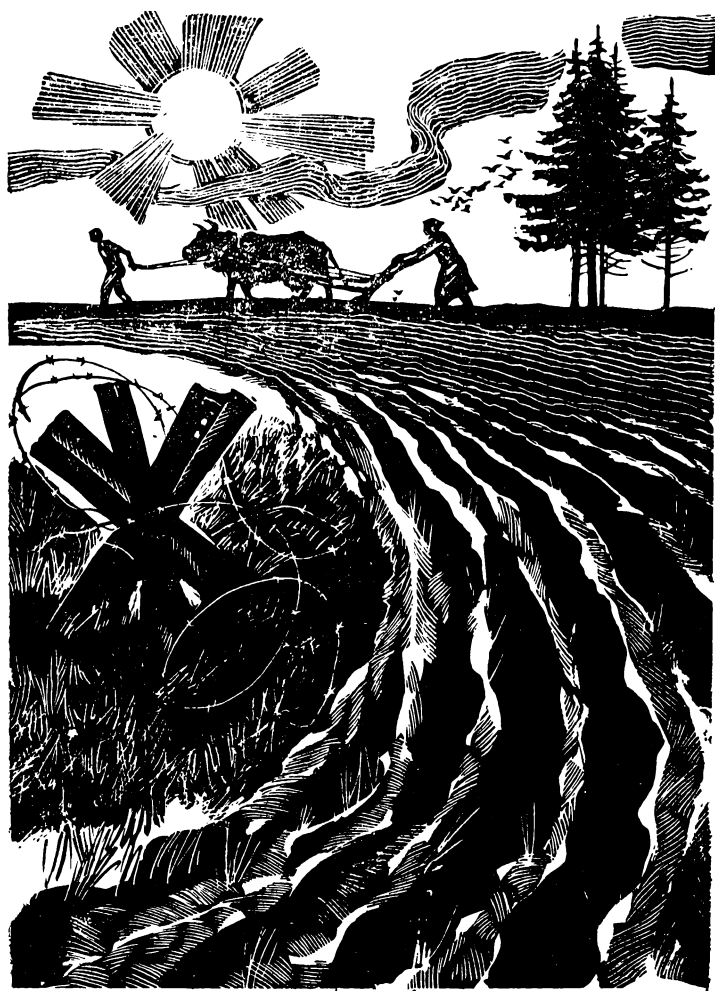
12. НУЖНО, ЧТОБ БЫЛ ВЕЛОСИПЕД!

Шли летние дни. Руки у Виктора почти совсем зажили, окрепли. Все больше он втягивался в домашние дела, в колхозную работу. Уже, пристегивая культя ремешками к черенку лопаты, копал землю. Научился подгребать граблями сено. Пробовал многое, но не все еще получалось.

Такой же, как и остальные, — загорелый, с выгоревшими на солнце добела волосами, в полинялой майке, Витюшка тоже выходил с ребятами в поле.

Жарко и щедро светило августовское солнце. Рожь женщины жали серпами, связывали заранее приготовленными поясками, а снопы ребята ставили в бабки. Дождался своей очереди уже пожелтевший овес. Отцвел и гремел зрелыми головками лен-долгунец.

— Ух и тяжелый же день был... — вечером дома вздыхала мать, с трудом собирая ужин, и тут же успокаивала себя и ребят: — Но ничего. Для Красной Армии стараемся. Слышали? Наши Ржев взяли, к Смоленску продвигаются...

Радовали дела на фронте, а в колхозе женщины и подростки надрывались от непосильной работы. По-прежнему лошадей в колхозе не было, почти все приходилось возить с поля на ручных тележках или таскать на себе. Осенью и весной землю под урожай вскапывали лопатами, пахали на коровах.

Однажды зашел к ним вернувшийся с фронта с простреленной грудью бригадир и, захрипев, распорядился:

— Завтра, хозяйшюка, обряжай свою буренку, будем пахать под озимь.

Утром на пашню отправились вдвоем. Обмотав вокруг себя конец повода, Виктор тащил за собой по борозде Зорьку, а мать сзади подпирала плуг.

— Но-о... Но-о!.. — покрикивал он, — шагай, родимая!.. — А затем тише, ласковым голосом просил: — Еще немножко... Потом отдохнешь... Но-о!..

Тяжело дыша, почерневшая от пота так, что валил пар, Зорька волокла за собой плуг. А позади желтел влажный суглинистый отвал свежей борозды.

— Может быть, хватит? — жалел Витюшка корову.

— Мало... — Мать оглядывалась: — Бригадир норму дал...

Пахали до тех пор, пока Зорька, не выдержав, завалилась в упряжке в борозду, захрипела, вытягивая голову и дергая перепачканными в желтом суглинке ногами. Мать и сын бросились к ней, сиюсь поднять.

— Издыхает!.. — Мать заголосила, побежала звать людей на помощь. Но Зорька к полудню отдышалась, набравшись сил, поднялась. Снова, напругаясь, поволокла тяжелый плуг и своими выпуклыми синими, как слива, глазами скорбно смотрела на молодого хозяина. А ок, дергая за повод, вел, почти тащил ее за собой.

Вечером, когда вернулись с поля домой, Витюшка поинтересовался у матери — сколько стоит велосипед?

Мать с удивлением уставилась на него.

— Ты чего? Какой велосипед?

Выручил младший брат.

— Он бы стал ездить в школу в Рамешки, учиться.

— Опять за свое... — мать недовольно покачала головой. — Далась тебе эта учеба. Профессором все равно не станешь.

— А я и не собираюсь, — усмехнулся сын и добавил: — А если я сам заработаю на велосипед, ты его купишь?

— Только при наших достатках мечтать о велосипеде. Ни у тебя, ни у брата обуви, одежды нет, а ты о велосипеде.

На этом закончился разговор.

Мать не знала, что старший сын при первом удобном случае брал у Володьки велосипед и пытался научиться ездить.

— Получается, — подбадривал его Володя.

И вправду были здесь у Витюшки успехи.

Через ребят он узнал, сколько стоит велосипед. Требовались большие деньги. Но где их взять?

Были у Вити заработанные в колхозе трудодни.

— Возьми и мой, — великодушно предложил Алешка. Но разве много в военное время на трудодни получишь?

Все же намекнули матери:

— Отдашь нам наши трудодни на велосипед?

Мать только вздохнула. Но ребята были довольны. С матерью все же удалось сговориться. Не будет она возражать, если где еще подработка подвернется. И заработок нашелся.

Наступила в окруженном со всех сторон лесами Ядрине грибная и ореховая пора. Мать посулила:

— Что принесете из лесу, схожу на станцию продам.

Потребкооперация за грибы и орехи платила хорошие деньги. А в этом году лето особенно выдалось урожайное на ягоды, грибы, орехи... Вначале поспела земляника... черника... малина. Собирать ягоды Виктор тоже приспособился. От тяжелой крестьянской работы «руки» у него огрубели и в то же время стали более

гибкими, податливыми. В тех местах, где после ножа хирурга зарубцевались раны, образовалась твердая, мохолистая поверхность, позволявшая кульями крепко и надежно держать предмет. Не успела отойти ягодная пора, как в лесу появились белые грибы. А в августе с орешника уже свисали крупные, начавшие рано желтеть гроздья поспевающих орехов.

Уходили братья в лес с рассветом, возвращались с полными корзинками грибов, торбами орехов. Помогали друг другу: если Алешка, повиснув, пригибал лещину к земле, старший обеими кулями обрывал орехи. С грибами было проще: каждый управлялся самостоятельно.

— Завалили, успевай только поворачиваться, — хвалила ребят мать, хлопоча возле печки. Крепкий, духовитый запах белых грибов долго стоял у них в амбаре. Мать несколько раз носила на станцию продавать грибы и орехи. Вернувшись, выкладывала на стол деньги.

— Ваша доля.

Но как ни старались ребята, до покупки велосипеда было еще далеко. Очень далеко...

13. НОВОСЕЛЬЕ

Поздней осенью справляли новоселье. Свой амбар на усадьбе разобрали и по бревнышку перетащили поближе к дерсвенской улице на прежний план. Помогли красноармейцы из воинской части: собрали, подвели новостройку под крышу, поставили стропила, прорубили в стене окошко, из досок сколотили маленькое крылечко. Ходили братья вокруг своего дома, радовались. Подгребали щепки, лазили на узкий и низкий чердак. Вырыли по фасаду канаву, чтобы дождевая вода не застаивалась. Насыпали завалинку, закрепив сверху пластами дерна. Перед окошком сколотили скамейку. Все как у настоящей крестьянской избы, честь честью. Орудовал теперь Виктор и топором, приладив к топорщику пару

ремешков, чтобы можно было засунуть «руку» и выполнять несложную работу.

Праздновали новоселье не одни Ильины: в деревне уже насчитывалось тридцать две жилые постройки. Справлял новоселье и Гришка Цыганков. Вместе с матерью и младшей сестренкой сколотили вокруг сохранившейся на пепелище печки с развороченным дымоходом дощатый каркас, оплели его тычинником и хворостом. Обмазали глиной, соорудили из кусков толя крышу. Получилась временка что надо и для зимы и для лета.

С большим трудом вставала из пепла деревня, и налаживалась жизнь в колхозе. Из соседней Владимирской области привезли семян для посева. Появились в хозяйстве несколько лошадей — дали отбракованных из воинских частей. Из-под Ярославля пригнали десяток коров для общественного стада.

После погожих осенних, по-летнему солнечных дней грянули заморозки, а затем надвинулась беспросветная дождливая пора. Тускло светит коптилка. Шевелятся на бревенчатой стене уродливые тени. В трубе с присвистом, словно жалуясь на свою долю, завывает ветер. Шумит по соломенной кровле дождь, да сами с собой разговаривают часы-ходики на стене: «Тик-так, тик-так...» Торопливо бегают взад-вперед круглый ребристый на медном стерженьке маятник, отстукивает уходящие из жизни минуты. Вот уже прошел час... другой... третий. Обложившись книжками, Виктор сидит за столом.

Первого сентября заявил матери:

— Одолею самостоятельно восьмой класс.

И был полон надежд. Трудности видел только в том, где достать необходимые учебники. Снова в который раз убеждался, если поставлена цель — легче жить.

И очень обиделся, когда Гришка Цыган попытался его охладить:

— Без школьных занятий ничего у тебя не получится.

Сам он поступил на курсы трактористов в районном поселке и в деревню заглядывал только по выходным дням. Остальные ребята-ровесники тоже определились кто куда.

— Дорогой Гришенька! Весной ты первый меня будешь поздравлять. Вот увидишь!

Такого упорства, настойчивости Гриша за своим другом уже давно не замечал. Он не знал, что перед этим Виктор поспорил с Ниной Серегиной, которая вопреки прежнему решению уезжала в Волоколамск поступать учиться в техникум. Тогда она тоже усомнилась, что Виктор освоит дома восьмой класс.

В своей школе недостающих книг не оказалось. Мария Егоровна где-то все же раздобыла ему учебники по геометрии и русскому языку.

Каждый день он тренирует свои «руки», чтобы они стали более гибкими, послушными: уже может, изогнув культию, удержать ведро с водой, застегнуть пуговицу, снять сапоги. Принесена в избу пятикилограммовая гиря, сохранившаяся после пожара. После физических упражнений опять книги. Устал — перемена. Теперь на очереди домашние дела. Делает их Виктор почти в темноте, керосин бережет на ночную учебу. Вот покончено с хлопотами по хозяйству. Можно немного отдохнуть на печке.

Скрипнула дверь в сенцах. Мать вернулась с работы. Она теперь в колхозе кладовщица, возвращается поздно.

— Живы? — спрашивает она. Развязывает платок, снимает ватник. Отодвинув заслонку, выгребает из печки еще теплый уголек... И вот уже светится в копилке огонек.

У Витюшки идут последние минуты отдыха, и он снова растягивается на все еще теплой печке. Рядом сладко дремлет и мурлычет хозяйка печи кошка. Так можно и уснуть. Но спать не полагается — у него строгий график: вечером обязательно заниматься.

— Наши наступают на всех фронтах... — сообщает

мать, гремя трубой самовара. Газеты в деревню поступают редко. Радио ни у кого нет. Живут только слухами, а слухи с фронтов все более радостные.

Вот и загудела в трубе самовара разожженная лучина, стало уютнее и веселее в избе.

— Будем ужинать, — говорит мать, вынимая ухватом из печи чугунок с утренним варевом.

И вот уже все спят, но коптилка в избе Ильиных все еще светится, озаряя осунувшееся за последнее время лицо Виктора, низко склонившегося над учебником.

14. ЗАОЧНИК

Наведывалась Нинка Серегина в деревню только в каникулы и изредка в праздничные дни. Запросто, как соседка, забегала к Ильиным. На этот раз, появившись в деревне, она тоже зашла. Принесла обещанный учебник по физике за восьмой класс.

— Вот видишь, выполнила свое обещание. — И вдруг поинтересовалась: — Ждал меня?

— Ждал... учебники.

Не обиделась. Знала привычку Виктора сокровенное прятать глубоко.

— За учебники спасибо.

— Большое?

— Большущее... преогромное.

Обоим весело. Разговор пошел оживленно.

-- Хочешь, я тебе помогу? Решим вместе несколько задач.

Виктор отказался: ночью сам докопается...

Ей нравились его самостоятельность, непреодолимое желание учиться, какое-то неброское достоинство и благородство.

А она-то видела, как он жил: скудная обстановка в маленькой избе, кусок хлеба и две картофелины на голом столе. Виктор ел, когда она пришла. Рваные,

в заплатах штаны, растоптанные огромные валенки, расстегнутая куртка с короткими рукавами.

— Городским легче учиться, — первой заговорила она, немного помолчав, — там и электричество и радио...

— Кончится война, и к нам проведут электричество и радио, — отозвался Виктор, искоса поглядывая на свою собеседницу. Почему-то она выглядела в этот день более миловидной, чем прежде: в накинутаой на плечи овчинной шубейке, без платка, в розовой блузке, щеки зарделись, глаза блестят.

В тесной избушке, чуть потрескивая, слабо горел огонек коптилки, неровно озаряя бревенчатые стены. Низко нависал собранный из горбылей потолок. Было тепло и сумрачно. Стрекотал, очевидно переселившийся из амбара, сверчок. А за маленьким окошком, завывая, шумела пурга, заноса снегом деревню по самые крыши. Нина и Витюшка долго молчали. И это молчание было для них не тягостным. Они готовы были вот так молчать еще час и два, только бы не расставаться.

Пришла мать, загремела трубой самовара, предложила:

— С нами чаевничать?..

Но Нина отказалась и убежала домой.

На следующий день вечером Нина зашла проститься. Виктор, облачившись в огромный, не по росту ватник и подшитые валенки, отправился ее провожать. Домой она не спешила, и они медленно прошли по занесенной сугробами деревенской улице. На дороге лежали лиловые тени. Тускло светились огоньки в окнах. Кругом белел снег. Чуть-чуть пахло горьковатым дымком. Было очень тихо и морозно.

— Ты кончишь техникум, в деревню вернешься или в городе останешься? — поинтересовался он.

— А ты хотел бы, чтобы я вернулась?.. — Она пылливо глядела на него,

— Тебе решать...

— Так я и знала.

Нина не сердилась. Почему-то она была уверена, что он больше всего хочет ее возвращения.

Шли по дороге парнишка и девчонка, оба еще угловатые, застенчивые, ничем не огражденные от людского злословия и насмешек. «Смотри-ка... Безрукий с Нинкой Серегиной гуляет. Как жених и невеста», — слышали они за своей спиной женский голос. Оба вспыхнули, отодвинулись друг от друга. Не оглядываясь, прошли дальше, но хорошее, светлое настроение сразу же омрачилось. Даже разговаривать почему-то застеснялись. Виктор невольно думал: «Словом можно стегнуть большее, чем кнутом».

...Учебник, который Нина привезла, он внимательно просмотрел. Составил новый график занятий. Пытался самостоятельно разобраться в материале по математике, физике и все больше с горечью убеждался, что одному не одолеть.

Прозанимался еще с месяц и совсем увяз в незнакомом материале. А тут еще простудился, ослабленный бессонницей организм долго не поправлялся. После болезни Виктор за учебники не сел.

Наступила пора ничегонеделания, когда он вечером вслед за Алешкой залезал на печь. И думал, думал... Ему нужна школа! Обязательно.

Снова мечта занять велосипед все более овладевала им.

15. НИКОГДА НЕ ПАДАЙ ДУХОМ

Новый график так и остался невыполненным, но зато за зиму Витюшка научился ездить на лыжах. Еще осенью нашел он их в лесу возле землянки, очевидно, оставленные красноармейцами. Засунув в тесемки палок культы, парнишка мог свободно управлять лыжами не хуже других. Тренировался ежедневно.

С лыжами у Виктора связаны далеко идущие планы: следующей зимой он будет ездить на них в Рамешки в школу. Но как добираться осенью, весной?..

Мать видела: слишком большие надежды старший возлагает на велосипед. Пообещав сгоряча помочь приобрести машину, она уже не могла отказаться. Весной сама первая заговорила с ребятами:

— Малы еще наши капиталы... Вот вырастет поросенок, продадим, тогда видно будет...

И начал Алешка приходить в хлев к поросенку, разговаривать с ним, укорять:

— Плохо, Гаврюшка, растешь... Витьке скоро в школу!

Время шло. Гаврюшка рос все же медленно, несмотря на уговоры младшего брата. И вдруг случилось несчастье. Пришло оно вечером. Мать вбежала со двора с криком:

— Издыхает!..

На матери не было лица, тряслись руки. Побежала к соседям советоваться — что делать? А когда вернулась обратно с Иваном Ивановичем Сидориным, было уже поздно.

На глазах ребят надежда семьи, шустрый Гаврюшка издох. Отчего, почему, никто из соседей не мог определить. Горевали, что вовремя прирезать не успели. Хотя поросенок был еще небольшой — пуда на два, но все же в семейном бюджете была бы прибыль.

О покупке велосипеда теперь не могло быть и речи. Братья хорошо понимали. Рухнула у старшего крепкая надежда. И все же он не отказывался от своего плана учиться в Рамешках. «Осенью буду ходить пешком. А выпадет снег — на лыжах», — думал он. И понимал — ходить пешком за десять километров в один конец легко только на словах. И, как это иногда бывает, выход нашелся. И нашел его... Алешка.

Весной, когда земля обсохла, Алешка, блуждая по окрестным лесам со своими друзьями, забрел так дале-

ко, что к ночи не вернулся домой. Собрались всем миром ребят разыскивать. Думали, где-то подорвались на mine.

После неприятного разговора с матерью изрядно наказанный младший с заплаканными глазами подошел к старшему.

— Витек... а Витек? В лесу я видел велосипед... Правда, поломанный, но настоящий...

Старший брат, замерев, уставился на него.

— ...Вот бы принести домой... Я хотел взять, но он тяжелый. Ребята отговорили...

— Далеко?

— Далеко. За Чернышихой, еще дальше — за оврагом в лесу. — И Алешка рассказал. Забрался он с мальчишками в такие отдаленные лесные дебри, где никто из ядринцев никогда и не бывал. Там находились красноармейские землянки, стояла раньше в обороне какая-то воинская часть, оставившая после себя много разного барахла. В том числе и поломанный велосипед.

Алешка перечислил, какие там находились вполне пригодные для домашнего обихода и ребячьей деятельности разные вещи. Но главное — велосипед.

— Совсем хороший... — захлебываясь, перечислял достоинства велосипеда Алешка. — Только ржавчиной покрылся, руль немного согнут и не все спицы. Но колеса вертятся и шины есть. Камеры, конечно, плохие, новые нужны...

Через десять минут они сидели и составляли план предстоящего пути к красноармейским землянкам. Оставалось уговорить мать вновь отпустить теперь уже Алешку с Витей в дальний лес.

— Не отпустит... — сомневался младший, зная крутой нрав матери.

Дипломатично, когда мать вернулась домой, за дело взялся старший. На словах выходило очень просто, пойдут они днем, даже утром, на пути в случае надобности заночуют в лесной сторожке, где и Алешка с ребятами.

тами ночевали. А на следующий день утром вернутся.

Мать сказала, как отрезала:

— Сам рук лишился, а теперь и ноги хочешь потерять?.. И младшего за собой тянешь!

Но сыновья так принялись горячо уговаривать, что мать скрепя сердце согласилась. Взяла только слово, что будут вести себя осторожно.

Велосипед и в самом деле оказался стоящим, только изрядно помятым, с вывороченным рулем. Ребята принесли его на себе домой. Даже мать похвалила, когда увидела. Заработанные ребятами деньги пошли на капитальный ремонт, который взялся выполнить колхозный кузнец в соседнем Горбатове. Но за камерами все же пришлось съездить в Волоколамск матери.

Братья ходили вокруг машины и не могли налюбоваться. Наступил в их жизни небывалый праздник. Вместе удалились за овины, там за березняком хорошо укатанная, гладкая как бетон проселочная дорога.

— Крути ногами быстрее... — учил младший, придерживая велосипед.

Сам он научился кататься в один день. Виктор же падал, поднимался, снова садился... И вот он уже мог самостоятельно проехать по деревенской улице, спуститься под уклон вниз к выгону и вернуться обратно. Слышал сзади возгласы ребятни:

— Едет!..

Уезжал все дальше и дальше. Постепенно вырабатывалась сноровка, хотя все давалось значительно труднее, нежели виделось со стороны.

16. СРЕДНЯЯ ШКОЛА

Летом, в июле, Виктор заявил матери:

— Завтра поеду в Рамешки. Повезу документы.

Выехал из деревни еще по холодку, чтобы было не жарко в пути. Ехал медленно. Разбитая, ухаб на ухабе

дорога в лесу петляла. По сторонам валялись еще со дня немецкой оккупации изувеченные машины, сломанные двуколки, мотки колючей и телеграфной проволоки.

Устал. Показалось легче идти пешком и вести велосипед, нежели ехать по изрытой колдобинами и взбугренной переплетением корней дороге. И чем ближе приближался к Рамешкам, тем больше одолевало сомнение. По силам ли ему каждый день добираться до школы и снова возвращаться в деревню? А лес все продолжался. Вот, наконец, и поле. Впереди Рамешки — в прошлом большое торговое село, теперь более чем наполовину сожженное фашистами в дни оккупации.

Подъехав к школе, Виктор поставил у крыльца свой велосипед и открыл дверь.

— Тебе кого? — встретила его в коридоре выметавшая после ремонта мусор сгорбленная женщина, очевидно, техничка. Виктор объяснил.

— Пройдешь к директору... Василию Михайловичу Журавлеву. Он как раз у себя. — Показала на дверь в конце коридора.

Медленно он шел по длинному коридору мимо раскрытых дверей классных комнат, в которых виднелись парты, классная доска, географические карты на стене. Неужели не суждено ему вновь войти в этот мир... Уже смело он открыл дверь в небольшую узкую комнату, заваленную различными учебными пособиями. Остановился у порога.

Директор, лет сорока пяти, грузный, богатырского сложения мужчина в темных очках и в военном кителе, сидел за столом. Перед ним лежала толстая книга.

— Можно? — спросил Виктор, потоптавшись на месте, видя, что на него не обращают никакого внимания.

— Заходи, — пригласил директор, не поднимая головы. На груди у него выделялись три разноцветные орденские планки и желтые ленточки ранений. «Фронтвик», — сразу почувствовал к нему уважение Виктор.

Предстояло самое главное и трудное: изловчившись,

самостоятельно так вытянуть из кармана документы, чтобы директор не подумал, что имеет дело с калекой.

— Вот... заявление к вам принес. В восьмой класс...

Сразу же без задержки вынул из внутреннего кармана и положил на стол перед директором свои документы. Директор почему-то не обратил на них внимания и по-прежнему как-то странно глядел на Виктора через темные очки.

— Принес заявление... — переспросил он. — Садись. Расскажи, кто ты? Откуда? Сколько тебе лет?

— Из Ядрина я, седьмой класс там окончил, — Виктор нерешительно присел на краешек стула.

— Из Ядрина?.. — снова переспросил директор. — Бывал там, знаю. Кто тебя учил?

Виктор назвал фамилии преподавателей. Директор молчал, очевидно, каждого из них тоже знал. По-прежнему не обращал внимания на документы, хотя они лежали перед ним на столе. Только слегка прикоснулся к ним рукой. «Не верит, что я способен учиться», — вдруг догадался Виктор и резко поднялся со стула.

— Думаете, я не осилю учебу? — громко, звенящим голосом заговорил Виктор. — Я и писать могу... все могу... Вот посмотрите... — Понимая, что от этого разговора зависит его дальнейшая судьба, Виктор решительно пододвинул к себе белевший на столе лист бумаги и карандаш. Сунул его в зубы и, низко наклонившись, написал несколько слов. — Я все могу... я умею... — уже дрожащим от обиды голосом повторил он.

— Какой-то ты чудной... — удивился директор, откинувшись на кресло. — Почему не верю... Не смог бы учиться, не пришел ко мне...

Директор бегло перелистал документы, по-прежнему не глядя на них.

— Оставишь, — сказал он, протяжно вздохнув, — за недельку до занятий наведешься.

И он, тяжело приподнявшись с места, протянул на прощанье подростку руку. Нерешительно Виктор протя-

нул свою. На сердце у него похолодело, когда Василий Михайлович сжал ее в своей руке, а потом как-то непривычно для Виктора ощупал.

Воцарилось молчание.

— А другая?.. — вдруг резко спросил директор. Виктор покорно протянул и другую. «Да он слепой!» — мгновенно озарила его догадка.

На суровом лице директора разгладились морщинки. Он по-прежнему не выпускал из своих теплых сильных рук культи подростка. Два искалеченных войной человека стояли друг против друга. Один зрелый, другой совсем еще юный.

— Где потерял руки? — резко спросил Василий Михайлович.

Виктор объяснил.

— А глаза есть?

— Есть... только один... — несмело признался Виктор.

— А у меня и одного нет... — уже тихо произнес директор и снял очки.

И Виктор увидел на лице директора Рамешковской школы, коммуниста, офицера-гвардейца Василия Михайловича Журавлева зарубцевавшиеся выжженные впадины.

— Вы не сомневайтесь, — снова заговорил Виктор, — писать я умею, зубами могу. А в школу на велосипеде буду ездить, а зимой на лыжах.

И, уже окончательно осмелившись, попросил директора:

— Только вы разрешите мне в школу через день являться. А то мне трудно каждый день по лесной дороге ездить. А я не отстану, вот увидите!

Виктор сбивчиво, волнуясь, сразу выложил все перед директором. Василий Михайлович посадил подростка рядом с собой, подробно расспросил.

— Договорились. Составим тебе особый график. — И снова сильной рукой сжал локоть подростка. — Учись,

дружок, пока есть силы... У меня уже на исходе. Раньше мечтал о многом. А теперь, спасибо, что работать разрешили. Вот тоже учусь... читать. — Он положил руку на толстую необычного размера книгу с картонными листами и выпуклыми точками на них.

От директора Виктор вышел вполне успокоившись. Даже дорога лесом не показалась ему теперь столь тяжелой.

Он будет учиться в школе!

17. ЭТО ВАШ ТОВАРИЩ, РЕБЯТА!

Приближалась осень. Скоро в школу. Виктор назначил себе норму: ежедневно не менее двух часов упражняться в писании. За лето немного разучился.

Перед отъездом в техникум к ним зашла Нина. Принесла книги, которые брала у Виктора читать.

— Уезжаешь? — поинтересовалась мать.

— Да, тетя Анна.

— Наверно, соскучилась по городу?

— Ой, тетя Анна, соскучилась.

— Я бы на твоём месте давно бы уже уехал, — вмешался в разговор Виктор.

Когда остались вдвоем, Нина спросила, лукаво прищурив глаза:

— Ты что, и вправду давно бы уехал на моём месте?

— Точно.

— А скучать не стал бы?

— По кому?

— Хотя бы по мне?

— Если почувствовал, что по мне тоже скучают, то стал бы.

— Сильно скучал бы?

— Сильно! — вдруг решился сказать Виктор. — На праздники приедешь?

Она, прищурив глаза, взглянула на него и, видимо желая немного подзадорить, выпалила:

— А зачем? Какой мне тут интерес? Фи-и... скучища. Он, нахмурившись, надолго замолчал.

— Так, пожалуй, и поругаться можно, — спохватилась Нина и сразу же перевела разговор на учебу. — Давай соревноваться? — предложила она. — Серьезно, Витька. Впрочем, тебе легко. Ты половину восьмого класса дома одолел.

Договорились вечером встретиться на улице.

— Не опаздывай... — предупредила она и убежала домой.

К вечеру собрались у пожарного сарая на бревнах. Гриша Цыган принес гитару. У него был приятный голос, теплый, задушевный.

Ой, туманы мои, растуманы,
Ой, родные леса и луга!

Сразу же присоединились другие голоса:

Уходили в поход партизаны,
Уходили в поход на врага.

Мимо прошла Витюшкина мать в новом черном платье, в белом платке. Присела на завалинку, где собрались соседки.

Ребята сидели у пожарного сарая недолго, разошлись парочками. Виктор с Ниной тоже ушли к околице, а когда возвращались, слышали разговор на завалинке:

— Обезмужичело наше Ядрино. Все похоронки идут. Остались только безногие да безрукие...

Виктор смутился, искоса взглянул на свою спутницу, услышала она или нет? «Немного забудешься, а жизнь не забывает напоминать», — думал он.

А к утру погода испортилась, полил дождь. Глядя на хмурое небо, мать советует:

— Не ездь сегодня в школу, отложи... Ну, пропустишь день.

— Не понимаешь ты, — сердится сын, — сегодня же первый день.

Протертый и смазанный велосипед дожидается в сенях. Новые сапоги жмут ноги, привыкшие к ходьбе без обуви. Аккуратно подстриженный, в белой рубашке, в брюках навыпуск Виктор чувствует себя празднично.

— Ну, я пошел, — сообщает он домашним, сунув за ремень чистую тетрадку. Накинул на плечи старенький отцовский дождевик.

Мать кладет ему в карман завернутые в платок еще теплые лепешки с творогом, пару яблок. Печку в это утро она истопила спозаранок.

— Вернешься, наверно, поздно... Может, тебе там у кого переночевать? — по-прежнему беспокоится она. По узкой тропке усадьбы идет вслед за сыном, провожая до калитки.

И вот он едет по мокрой проселочной дороге. Сжатое, с уже побуревшей стерней поле сменяется лесной чащобой. Дорога то и дело раздваивается, петляет среди желтеющих кустов, пересекает ручейки, овраги, ныряет под свисающий орешник. Сверкают, словно стеклянные, капельки дождя. Велосипед подпрыгивает на перекрещенной корнями лесной дороге. С лица Виктора струится пот, стекла очков затуманились. Пришлось не столько ехать, сколько вести велосипед, пробираясь между залитых водой колдобин. Ноги отяжелели от налипшей глины. А дождь не перестает, моросит. Похоже, зарядил на весь день.

Звонок в коридоре прозвучал как раз тогда, когда он, очистив сапоги и оставив велосипед в раздевалке, вошел в 8-й «А» класс. Тяжело дыша, красный и потный, Витюшка еле держался на ногах. Так изнурила его дорога. Сел на ближайшее свободное место за парту. Класс затих. Вошел учитель в военной гимнастерке, постукивая впереди себя палочкой. В руках у него классный журнал. Это директор Василий Михайлович Журавлев. Дружно поздоровались. Первый урок — история.

Самый любимый и самый всегда легкий для Виктора. Умело, толково ведет урок слепой учитель. Записывать Виктор ничего не записывает, чтобы не привлекать к себе внимания. Память у него отличная и раньше была и теперь...

Уже под конец урока директор, очевидно, вспомнив о нем, вызвал Виктора к столу.

Поднялся с места, положил свою тяжелую теплую руку на плечо подростка, повернулся к школьникам.

— Это ваш мужественный товарищ, ребята. Из Ядрина... Учиться у нас он будет по особому графику. Надеюсь, поможете ему, когда в чем отстанет.

На перемене Витюшка вышел в коридор. К нему никто не подходил, никто не заговаривал. Так было и раньше, когда он появлялся в незнакомом месте. Так и теперь. Так будет всю жизнь... Вот кто-то нечаянно, убегая от другого, наскочил на него, толкнул, смутился. Витюшка прижался к стене.

На уроках назойливо смотрели, как он пишет. Кто-то даже засмеялся. Как тяжело в чужой школе начинать учиться!

И, словно предчувствуя настроение нового ученика, во время большой перемены в коридор вышел директор школы. Что-то спросил у мальчишек. Его подвели к Виктору.

— Ну как, дружок, дела? — обнял его за плечи, прошелся с ним по коридору. — Будет трудно, заходи ко мне. Заходи почаще... Все думаю, кому из нас легче? Тебе или мне? Пожалуй, одинаково. — И проводил его в класс до парты. Спросил: — С соседом-то познакомился?

На следующей перемене подошел староста:

— Учебники у тебя все есть?

Через день Виктор вовремя явился на занятия, устав не так, как в первый раз. Встретили его ребята уже радужнее.

18. ХВАТИТ ЛИ СИЛ?

Осень была на исходе. Уезжал Виктор в школу затемно, возвращался домой тоже в сумерках.

Начались заморозки. Глыбы грязи на дороге окаменели. Лесная дорога! Сколько она отнимала сил, особенно когда возвращался в сумерках. Пробовал Виктор ходить в Рамешки пешком, тоже не легче.

Но зато, когда выпал снег и велосипед пришлось сменить на лыжи, он так уже не уставал. Зима выдалась снежная, вьюжная. Морозы все крепчали.

Пока проходили материал, во многом знакомый, тот, что он изучал раньше дома самостоятельно, Виктор не отставал. Но после Нового года стало труднее. Вечером, когда он возвращался в деревню, было уже не до занятий. А на следующий, свободный от школы день столько скапливалось уроков, что голова шла кругом. А тут, простудившись, заболел. Недели на две вышел из строя. А когда снова вернулся в школу, понял, насколько он отстал.

Вскоре директор вызвал его к себе.

— Математику запустил, Василий Михайлович, — сразу же признался Виктор, — но я догоню. Может быть, каждый день ездить на занятия?

— Нет, дружок, каждый день тебе не по силам.

Задумался.

— Могу попросить учителей: будут с тобой заниматься после уроков. Но тогда поздно будешь возвращаться домой.

Директор предложил устроить его на ночлег к старушке техничке. Но Виктор отказался. За постой нужно было что-то платить, а денег у Ильиных не было.

Вернувшись домой, составил более жесткий график домашних занятий. Разрешал теперь себе Виктор спать не больше шести часов в сутки. Не сразу, но все же

догнал свой класс. Шла уже третья четверть. До весны оставалось недолго.

Дома Алешка допытывался:

— Не боишься через лес вечером один ездить?

— А чего бояться-то?.. — храбрился старший брат, не признаваясь, как порой бывает жутко, очень жутко на сумрачной лесной дороге.

И вскоре он испытал по-настоящему чувство страха, когда, задержавшись в школе допоздна, возвращался домой уже перед полуночью. Полем от Рамешек ехал на лыжах, ни о чем не думал. Но в занесенном сугробами лесу вдруг почувствовал себя неспокойно. Лес в ночных сумерках, не шелохнувшись, таинственно молчал. Поскрипывал под лыжами снег. Натянув на лоб шапку, закутавшись, Витюшка смотрел только себе под ноги. Когда же поднял голову и взглянул вперед, его сразу прошиб холодный пот. Сверкали среди деревьев огоньки! Перебегали огоньки с места на место. «Волки!» — сообразил паренек. Машинально еще двигался вперед, не зная, на что решиться — повернуть назад или остановиться. В то же время понимал, что на лыжах от волков не уйти, без рук не отбиться. Не помня себя, с отчаянной решимостью Витюшка все же заскользил вперед и вдруг, о что-то запнувшись, свалился в снег. Вскочил. Вновь понесся по тропинке.

А впереди уже мелькнул просвет... опушка леса, залитая лунным светом. Вдали чернеют постройки Ядрина. Отсвечивают сосульки на обледенелых елках. Облегченно вздохнул.

В деревне ни огонька, тишина. Но возле кустарника на тропинке притопывает какой-то человек. «Мать опять вышла встречать», — и на душе становится спокойнее, теплее. Лыжи скользят ровнее.

— Отогревайся на печке, — беспокоится дома мать, помогая старшему снять заледенелый от мороза овчинный полушубок, стащить с ног валенки. Как хорошо, когда за тобой ухаживают, а в избе тепло, и знаешь, что

можешь вволю отоспаться: утром в школу не идти. Предупредителен и Алешка, тоже хочет как-то услужить брату.

На следующий день мать допоздна на работе, и братья распределяют между собой обязанности по хозяйству: кому за сеном идти для коровы, кому напоить теленка, накормить кур, приготовить болтушку для поросенка, принести с речки воды. Только управившись с домашними делами, мальчишки садятся за уроки. Вернулась с работы мать. Поужинали.

— Ну, пора на покой, — говорит она, устраиваясь в своем углу на постели.

Ядрино тоже спит, а в маленькой избушке посредине деревни опять светится тусклый огонек. При скупом свете коптилки Виктор сидит за столом, зябко ежится — сердитый ветер в окно выдул все тепло. «Заснуть бы на часок», — мелькает заманчивая мысль, но нельзя.

В школе завтра контрольная. Выходит на крыльцо немного освежить голову. Белеет снег. В светлом сиянии высыпали в посиневшем небе звезды. Безлюдье, тишина. Возвращается в избу, снова усаживается за стол. «Скоро каникулы, вот тогда вволю отосплюсь».

Порой заглядывали в избу ребята, и чаще других Гришка Цыганков. Окончив курсы, работает он в соседней МТС трактористом. Появлялся в деревне в рабочей, пахнувшей бензином спецовке, заметно повзрослевший. Выглядел совсем варнем, гулял под руку с девушками, курил махорку.

Весной, незадолго до школьных каникул, секретарь комсомольской организации Федор Буянов зашел к Виктору.

— Разговор у меня к тебе небольшой, — начал Федя, — небольшой, но серьезный. Вызов получил из военного училища. Медкомиссию прошел. Завтра комсомольское собрание — нового секретаря будем выбирать. Пришел к тебе посоветоваться.

Виктор, польщенный, что с ним советуются по таким важным делам, не сразу понял намерение Феди.

— А что, если тебя, Ильин, в секретари выберут?

— Да разве я гожусь? — заволновался Виктор. — Разве я смогу?..

Спорить Федя не стал, но на собрании предложил:

— Есть подходящая кандидатура — Ильин Виктор. Парень серьезный, толковый, начитанный. Правда, ему будет труднее, чем кому-либо из вас... Думаю, что он будет неплохим секретарем.

...С комсомольского собрания Виктор вернулся с папкой комсомольских бумаг под мышкой. Комсомольцы избрали его единогласно. «Лето поработаю, — думал он, хмурия брови, — а там с фронта вернется молодежь». Понимал, что теперь в столь долгожданный победный год отказываться никак нельзя.

Кончилась война с фашистской Германией. Все радовались в деревне. Ожидали с фронта своих. Ожидали даже те, кто уже получил «похоронную».

А для Виктора наступившая весна была вдвойне победной. Восьмой класс он закончил успешно. Не было уже никакого сомнения, что он будет переведен в девятый.

Осенью в девятый класс Виктор отправился спокойно. Стал он в школе своим человеком. Снова вошло в привычку через день вставать рано, знакомой дорогой отмерять километры.

В девятом классе учиться стало сложнее: много предметов и материала. Приходилось все чаще обращаться за консультацией и в свою деревенскую школу.

Когда приезжала в деревню Нина, заходила к Витюшке и запросто требовала:

— Показывай отметки!

Свои почему-то показывать отказывалась. Немного важничала, что она не школьница, а студентка. Рассказывала, как живет в общежитии техникума, какие там порядки.

— Не освободили тебя от секретарской должности? — поинтересовалась она осенью.

— А он никому и не говорит, что ему трудно, — вступила в разговор мать. — В ревизионную комиссию колхоза теперь его еще избрали. Да за комиссию трудодни начисляют.

И не знала — быть ли ей довольной, все же заработок, или по-прежнему жаловаться, что перегрузили парня.

— Раньше помогали ему учителя из нашей школы... — продолжала мать, — теперь он им помогает.

Виктор никак не ожидал, что доведется ему в своей родной школе поучительствовать. Немецкий язык он знал хорошо. Заболела в деревне учительница, и Мария Егоровна предложила ему:

— Может быть, сможешь несколько недель позаниматься немецким с классом? Я тебя очень прошу...

Пришлось согласиться. Способность спокойно и деловито рассказывать у него выработалась с детства, и Мария Егоровна давно это подметила.

Вечером Виктор вместе с Ниной, как обычно, прошлись по деревенской улице.

— Видишь, разрастается наше Ядрино. Теперь с полсотни новых построек есть.

— Но до прежней, довоенной жизни еще далеко, — отозвалась Нина.

— Конечно... Но не все сразу. Колхоз вот слабоват. Опять председателя сменили.

Шли дни... Летом прихворнула мать. Все заботы по хозяйству полностью легли на сыновей. В это лето впервые Виктор вышел на колхозный покос. Косить он научился давно. Справлялся с косою, специально для себя приспособленной, неплохо. Но это когда спокойно косил на своей усадьбе. Другое дело косить на миру! И все же он решился появиться на народе.

...Было раннее утро. Солнышко еще находилось на покое за михайловским лесом. Чистое, ясное небо толь-

ко розовело рассветом, когда ядринские колхозники собрались у покоса. Трава стояла по пояс. Виктор, внешне спокойный, встал в ряды косцов. Только бы не отстать, не помешать другим! Засвистели косы. Разлился медовый запах по скошенной луговине. Поднималось все выше над лесом солнце, осушая росу. Но Виктор не видел солнца. Пожалуй, ничего не видел, кроме спины соседа косца. Стекла очков покрылись испариной, и белая рубашка давно уже взмокла, но он продолжал косить... В этот очень трудный для него день Виктор выстоял. Вернувшись домой, упал на постель. Так велико было физическое напряжение. Но нервное сильнее.

Зимой, когда он уже учился в десятом классе, неожиданно быстро ушел из жизни Василий Михайлович Журавлев. Сказались фронтовые ранения, не выдержало сердце. Хоронили директора Рамешковской школы с духовым оркестром. Впереди школьники несли связанные из еловой хвои венки с красными лентами. Шел за гробом Виктор и думал, как чутко, тепло в трудные минуты подошел к нему Василий Михайлович, как подбадривал, помогал. Окажись на его месте другой, иной дорогой пошел бы, может быть, Ильин.

Все чаще задумывался Виктор, как будет жить дальше? Многое зависело от Нины. Вернется она, окончив техникум, в деревню или останется в городе?

Мать тоже думала о ней.

— Что это Нина к нам давно не заглядывала?

До него доходили разговоры Нины с подругами:

— Окончу техникум, останусь работать в городе.

Несколько месяцев спустя Виктор уже сдавал последний экзамен на аттестат зрелости. Стоял перед столом экзаменационной комиссии в белой рубашке с галстуком и с комсомольским значком на груди. И внешне спокойно, обстоятельно отвечал на вопросы.

Экзамены он сдал на «отлично».

Слегка кружилась голова, когда вышел из школы и отправился домой. Пошел, как и обычно последнее

время, пешком. Велосипеда у него уже не было. Несчастье случилось еще осенью. В лесу наскочил на малоприметный пенёк. Виктор на полном ходу вылетел из седла, разбил очки, окровенил лицо, а велосипед, уже неоднократно чиненный колхозными умельцами, рассыпался на отдельные части. Честно отслужил положенный ему век. Починить его уже было невозможно.

Сейчас, шагая по лесной дороге в день последнего экзамена на аттестат зрелости, Виктор подводил итоги.

Где-то далеко, далеко в памяти оставался прежний Витюшка, горько плакавший, забившись под одеяло, от гнетущего сознания своей беспомощности, невозвратимости потери. Прожитые годы закалили, укрепили волю Виктора. Можно было спокойно и уверенно смотреть вперед и строить свою жизнь.

19. БОГАЧ И НИЩИЙ

В жаркий июльский день Виктор ехал на пригородном поезде в Москву в почти безлюдном вагоне. Сидел у полуоткрытого окна, углубившись в книгу, и не сразу заметил, как в вагон вошел новый пассажир, высокий, обрюзгший, в полинялой солдатской гимнастерке с закатанными рукавами, с опухшим красным лицом. Еще в дверях, выставив вперед свои обнаженные зарубцевавшиеся культи с перевернутой фуражкой на них, по привычке хрипло заголосил:

— Граждане, подайте безрукому воину! Теперь побираюсь, не способен ни к какой работе...

Увидев, что в вагоне, кроме Виктора и одинокой старушки, сидевшей у двери, больше никого нет, он умолк и подсел к Виктору. Водянистые, с кровяными жилками глаза смотрели осовело.

— Хоть бы ты, браток, помог калеке, ссудил на стаканчик утешительного, — наклонился он к юноше, обдавая перегаром. И вдруг откинулся назад, удивленно заморгал глазами: — Тоже... калека, горе мыкаешь.

Виктор отложил в сторону книгу и усмехнулся:

— Не-ет, горе не мыкаю, а... — указав на раскрытый учебник, доверчиво пояснил: — Еду в институт сдавать экзамены.

Весь дальнейший путь до Москвы они ехали вместе. Новый знакомый ни минуты не молчал, спешил выговориться. Рассказал о себе все — имеет среднее образование, но делать ничего не умеет и не хочет.

— А зачем? — громко спрашивал он, колотя себя култей в грудь. — Я кровь проливал за Родину... Пускай теперь кормит. Я имею полное право жить, ни о чем не беспокоясь. Ты думаешь, я пенсию не получаю? Получаю, да еще какую. Но я сознательный человек, полностью пенсию отдаю жене и дочери. — Он потрянул картузом с медяками, хлопнул короткой култей по провисшему карману засаленных армейских брюк. — Столько же и себе собираю. Большого мне не нужно, но и на меньшее я не согласен.

Хмель постепенно сходил. Новый знакомый Виктора перестал бахвалиться и приступил к вопросам:

— Как ты живешь? Работаеть?! Неужто умеешь?

На остановках в вагон входили пассажиры, все более заполняя вагон. С удивлением и интересом смотрели на двух одинаково изувеченных войной людей.

С заметной жалостью поглядывал Виктор на своего попутчика: человек в годах и, главное, фронтовик, и так опустился! Находит свое утешение только в вине. Хотелось чем-то помочь ему. Но чем? И как? Виктор знал, что здесь человек сам себе первый помощник. Инвалид же искал помощь только у других.

Виктор готовился к важному разговору с этим человеком, внимательно всматривался в его лицо и вдруг разглядел на небритой щеке приметный рубец-шрам.

— А нас, кажется, вместе оперировали в одном госпитале? — осторожно напомнил Виктор. Сосед устался на него.

— Точно, браток, помню, — выдохнул он. — Лежали рядом...

И тогда Виктор решился рассказать о себе все.

В Москве из вагона они вышли вместе. Собеседник Виктора заметно отрезвел, стал более серьезен, глядел уже осмысленнее, с какой-то затаенной тоской в глазах. Он даже обнял юношу на прощанье и заверил:

— Бросаю пить... Буду жить, как ты... — И решительно пошагал уже твердой походкой, надев картуз и спрятав «руки» в карманы брюк. Виктор посмотрел ему вслед, подумал: «Выполнит ли свое обещание?» Так хотелось верить!

Приемные экзамены в педагогический институт Виктор сдал успешно. Немного страшил конкурс, пройдет ли? Ведь на каждое место несколько человек. С нетерпением ждал, когда же будут вывешены списки. А пока жил в общежитии института и знакомился с Москвой.

Наступил день, когда в вестибюле института вывели списки принятых на первый курс. С бьющимся от волнения сердцем Виктор протолкался вперед и... нашел свою фамилию.

20. В МОСКВЕ

Прошло несколько лет...

В светлом обширном зале Московского областного педагогического института былолюдно. Собрались студенты-выпускники, гости. Выдавали в торжественной обстановке дипломы.

Услышав свою фамилию, к столу, за которым сидели ректор, декан, профессора, неторопливой походкой подошел среднего роста, светловолосый, круглолицый студент в очках, в простеньком сером костюме и в сапогах.

— Поздравляю! — Ректор института держал в руках новенькую синюю книжечку с гербом Советского

Союза. — Вдвойне поздравляю! Ваш диплом с отличием.

Выпускник протянул «руки», бережно принял диплом, услышал, как в зале зааплодировали.

Он был единственным из всей группы, кто получил диплом с отличием. Теперь он преподаватель-историк. Продолжит дело Дим Димыча в своей деревенской Ядринской школе.

Вышел из актового зала. Толпятся в коридоре студенты. Еще не кончилась зачетная сессия. Зашел в буфет закусить, выпить стакан чаю. Виктор сам управляет с вилкой, ножом, ложкой, к постоянному вниманию людей к себе относится без раздражения, терпимо. Сегодня уже спешить некуда, и потому сидит Виктор и представляет, как вернется в свой район, зайдет в роно, положит на стол заведующему диплом и скажет: «Принимайте в свою учительскую команду... Направляйте в Ядринскую школу... в мою школу. В родную деревню, где меня ждут жена, сын, мать...» А может быть, раньше зайдет в райком партии? Ведь он коммунист. Покажет свой диплом и скажет: «Теперь я свободный от учебных человек, могу выполнять и партийные поручения».

Так Виктор размечтался, что решил сегодня же уехать домой. Побывал в общежитии, сдал все пособия, что числились за ним. Попрощался с друзьями.

До поезда оставалось еще часа четыре, и Виктор заехал к брату. Алешка, окончив ремесленное училище, жил и работал на заводе в Москве. Посидели, поговорили. Вспомнили свои прежние мальчишеские годы.

На последний поезд Виктор все же успел.

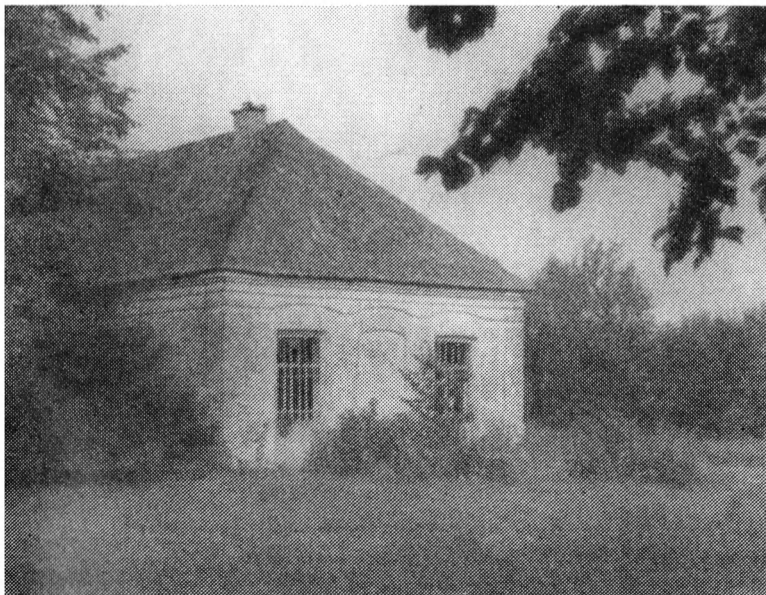
Короткая июньская ночь на исходе. Ехать долго. Устав, не заметил, как задремал. Спохватился, когда поезд тронулся от полустанка, на котором нужно было выходить. Сорвался с места, расталкивая сонных пассажиров, выбежал в тамбур, дверь полуоткрыта...

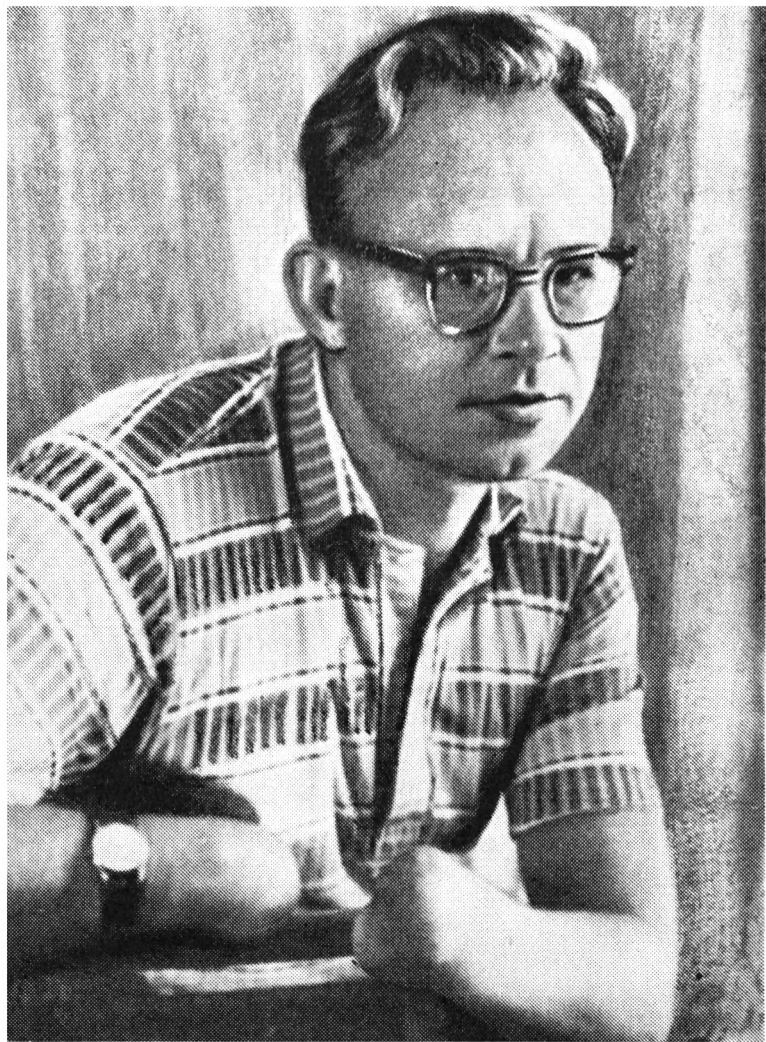
— Стой, парень. Не прыгай... — предостерегающе сдерживает за локоть кто-то из пассажиров.

Перед окончанием средней школы.

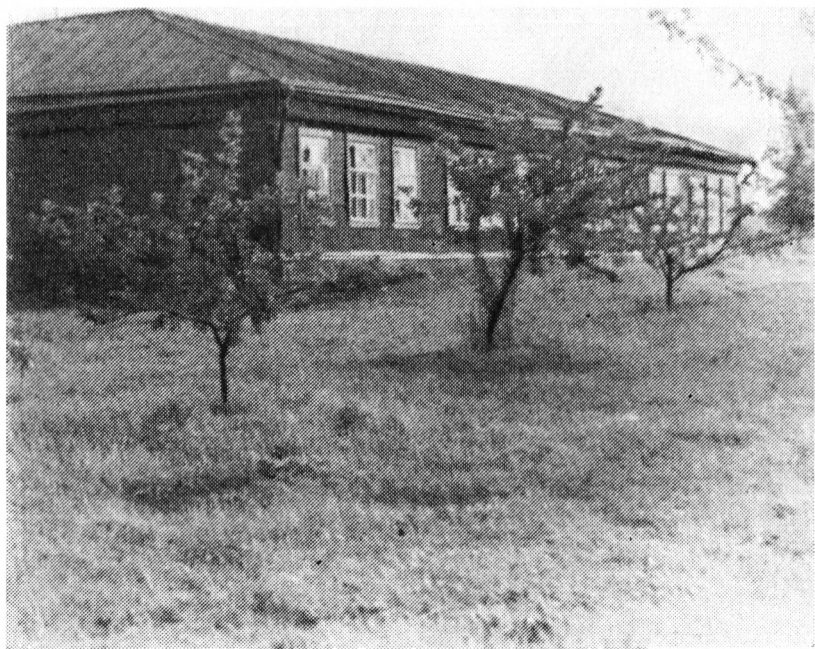

Старое здание Ядринской школы, в которой учился В. Н. Ильин.

Виктор Ильин — студент.

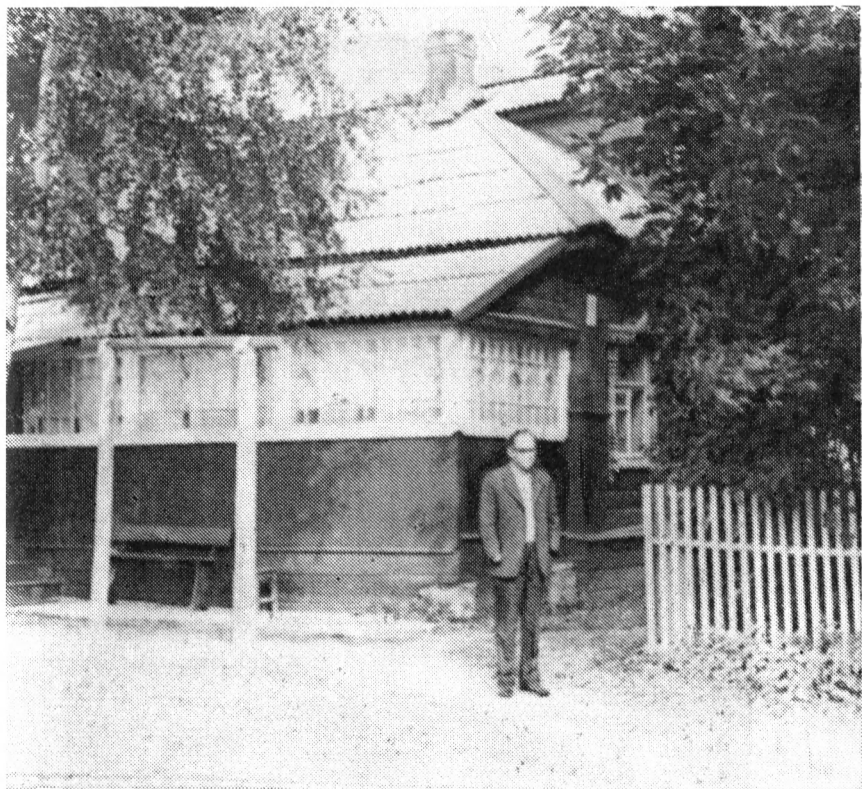
Новая школа в Ядрине, построенная при участии В. Н. Ильина.

Школьный сад, заложенный учениками Виктора Николаевича.

Деревня Ядрино.

Виктор Николаевич около своего дома, в постройке которого он принимал участие.

Виктор Николаевич Ильин — директор Ядринской школы-восьмилетки.

Ребята 7-го и 8-го классов Ядвинской школы с директором и персоналом.

Почетный караул ветеранов — 9 Мая 1978 года.

Виктор Николаевич за работой.

Ученики помогают колхозу.

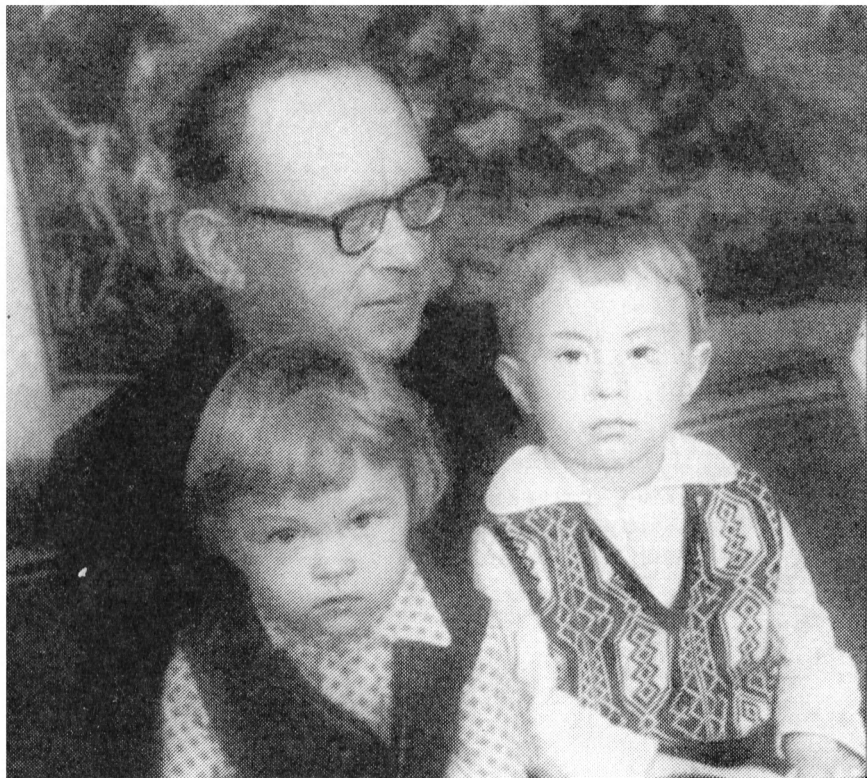

Виктор Николаевич достает воду из колодца.

За работой над статьей в районную газету.

Виктор Николаевич уже дедушка.

Опомнился. Даже он сам стал порой забывать, что его возможности ограничены. Сунул «руки» в карманы, прислонился к двери. Смотрел, как убегают назад шиферные крыши районного поселка. Уже совсем рассвело. Поезд шел по насыпи не спеша, изгибаясь змеей, тяжело и громко постукивая на стыках. Легкий ветер относил в сторону темный хвост дыма. Вдоль пути зеленел хвойный лес, белели березки. Кругом безлюдное лесное захолустье. Внизу светлеет кочковатая, заросшая осокой и мелкоколесьем болотистая низменность, где, как знал Виктор, зарождался один из притоков Волги. А вот и ядринские курганы. На вершине знакомые елки. Казалось, остались они такими, какими были и в детстве, ничуть не выросли. словно дозорные наблюдают за окрестностью.

Паровоз подает гудок. Навстречу, мигая зеленым огоньком, приближается долгожданный разъезд.

А через два часа Виктор был дома. Не стал будить домашних. По скрипучей лестнице взобрался на сеновал, где хранился прошлогодний клевер. Расстелил пиджак, улыбаясь потянулся. И вскоре крепко заснул.

21. ЗДРАВСТВУЙ, ЯДРИНО!

На первое занятие он пришел в новом черном костюме, в белой сорочке с галстуком, как на большой праздник. Шумно поднявшись со своих мест, десятка два загорелых мальчишек и девчонок глядели на нового учителя и, очевидно, думали: «Учитель-то свой, деревенский. С ним можно меньше считаться».

Виктор начал урок. Волновался значительно больше ребят.

Прозвенел звонок, и ребята шумно повскакали со своих мест, к учителю подошел голубоглазый парнишка в белой рубашке с пионерским галстуком, племянник Марфы Ивановны Алексеевой, и спросил:

— Виктор Николаевич! А наше Ядрино давно существует?

Учитель от удивления растерялся. Повторился почти слово в слово эпизод, когда-то происшедший между ним и Дим Димычем.

— Давно, очень давно... — словами Дим Димыча ответил учитель, — но когда точно оно основано, нам с вами предстоит определить.

И тут же отметил про себя: «Значит, не все равнодушны к истории. Значит, род краеведов и краелюбов не переводится в Ядрине».

Схлынул ребячий шум и гам. В учительской встретил директора школы Марию Егоровну. Она в строгом черном платье с белым воротничком и с пачкой тетрадей в руках. Про себя отметил, что учительница за последние годы заметно постарела, появились седые пряди в темных волосах, спина немного согнулась.

— Ну, каковы успехи, Виктор Николаевич, — впервые она своего бывшего ученика назвала по отчеству. — Как прошли занятия?

— Пожалуй, удовлетворительно, но... не совсем. Ребята задали вопрос — как и когда на белом свете появилось наше Ядрино, а я конкретно ничего не смог ответить. Получилось, что мы Иваны, не помнящие родства.

Мария Егоровна засмеялась.

— Я бы тоже не ответила.

— Вы другое дело, а я родился здесь, вырос. И как историк обязан знать.

Шел Виктор домой после первого своего рабочего дня по родному Ядрину. От школы до дома почти три четверти километра. Приветливо здороваются односельчане. Остановился немного сутулый, в синей жилетке поверх рубашки Сидорин.

— Со школьным праздником, Виктор Николаевич! — поздравил почтительно старик.

Поговорили. Виктор пошел дальше.

Вот и своя усадьба. Жил Виктор с семьей в собранной из бревен амбара избе. Нина работала бухгалтером в местном леспромхозе, мать по-прежнему в колхозе. Изба плохонькая — ждали, когда Виктор закончит учебу, собирались строиться.

Нина растапливала лучинками самовар. Возле нес, держась ручонкой за юбку, стоял голубоглазый светловолосый малыш и тарашил глазенки на отца.

Поднял его Виктор на «руки».

— Смотри не урони, — опасливо предупредила жена, невольно задев в душе Виктора болезненное место. Отобрала ребенка.

«Сомневаются, один только я не сомневаюсь», — с укором подумал он.

Вдруг в памяти Виктора отчетливо проявился такой эпизод. Мать ему в Москву сообщила, что у него родился сын. В этот же день Виктор был в районном поселке, где в больнице лежала Нина. Из родильного отделения вынесли ему показать сына. Крохотное существо глядело на него голубыми глазенками и, что особенно поразило счастливого отца, у сына были руки — малюсенькие ручонки с еще более малюсенькими кулачками, в которые он сжал пальчики. У сынишки были ручонки!

* * *

Явилась с работы мать.

За ужином зашел разговор о прошлом деревни.

— Мама, ты что-нибудь знаешь про то, откуда пошла наша деревня? — осведомился Виктор у матери.

— Существует наше Ядрино с незапамятных времен, от стариков я слышала. Но когда, сколько лет — не знаю.

— Скучновато... Ну что ж, начнем собирать по крупицам, — только-то и сказал Виктор Николаевич. Достал с полки недавно купленную общую тетрадь в зеленой коленкоровой обложке, сделал заголовок «История Ядрины и окружающих селений».

22. УЧИТЕЛЬСКИЕ БУДНИ

С каждым днем Виктор все более убеждался, что работа учителя не такая простая, как казалось раньше в институте. Можно блестяще знать историю и педагогику и не быть способным войти с ребятами в контакт. В первую очередь нужно было заставить ребят себя слушать. И здесь дисциплина на уроке — половина дела. А она-то на уроках историка была плохой. Очевидно, сказывались прежняя разболтанность и то, что учитель местный. А раз учитель свой, деревенский, с ним меньше считались. Завладеть вниманием ребят, особенно старшеклассников, сразу трудно, почти невозможно. Требовалось время. Виктор Николаевич это понимает. Но когда в классе на уроке возникает шум, ребята не слушают, занимаются своими делами — терпеть невозможно. Все же молодой учитель на первых порах сдерживался, не применяя свою учительскую власть, только уговаривал не шуметь. Но вдруг ожили казавшиеся забытыми прежние клички.

— Черный глаз идет! — слышит он шепот, едва показываясь на пороге. Хотя черную повязку на утраченном глазу давно уже заменил протез. Ходил в очках. А кличка Черный глаз осталась. Почему она ожила? Другая кличка — Безрукий — к ней он привык. Да и, пожалуй, она не была кличкой. Так порой называли его и посторонние, впервые встречавшиеся с ним.

«Черный глаз!» — слышал он и невольно замыкался. А ребята изводили учителя, видя, что он бессилен.

— А ты не обращай внимания, — советовала дома жена, когда узнала про неприязненное отношение учеников к мужу. «Легко сказать — не обращай внимания!» — думал он.

— Ребята, да перестаньте же! — все чаще кричал он, одергивая ребят. И судорога пробегала по лицу. Сдерживая себя, предлагал: — Кто не хочет занимать-

ся, пусть выйдет из класса. — Разговор прекращался, никто не выходил, но исподтишка кто-то в заднем ряду смеялся.

Шли дни... Порой было спокойно, тихо, а потом вдруг снова приходилось уговаривать, кричать на ребят, слышать шепот:

— Что-то сегодня Черный глаз разошелся.

Урок начался нормально. Кажется, все слушают внимательно. Рассказывал он про эпоху Петра. Рассказывал толково, с увлечением. И вдруг... громкий стук. Все обернулись. Стукнули в заднем ряду крышкой парты.

Молодой учитель болезненно сморщился, но промолчал. Прошло минут пять, только вновь пришло вдохновение, как крышка снова грохнула. Опять все обернулись.

— Земцов, может быть, прекратишь стучать? — спросил учитель. Стучавший заулыбался, сосед рядом прыснул в кулак. Только учитель отвернулся, снова стук. Сделав вид, что не слышит, Виктор продолжал урок.

Понял — издеваются. И когда крышка стукнула громче прежнего, учитель поднялся из-за стола, подошел к парте второгодника Земцова. Тот глядел на учителя с явным вызовом.

— Тебе не стыдно? — Лицо учителя горело от возмущения.

— А я что? Я ничего, она сама. — Земцов, приподняв крышку, вновь уронил ее. — Вот видите, сама...

— Выйди из класса! — приглушенным шепотом предложил учитель.

— А зачем? Мне и здесь хорошо. — Земцов продолжал ухмыляться.

— Выйди из класса... — еле сдерживаясь, приказал учитель.

— А зачем? — снова повторил Земцов и демонстративно снова сел на свое место. Хулиган давал понять, что учитель ничего с ним не сделает — не сможет, схватив за шиворот, вывести за дверь.

Весь класс, обернувшись, следил за стычкой молодого учителя с первым силачом в школе Пашкой Земцовым. Ждали, что Виктор Николаевич пошлет кого-то за директором Марией Егоровной.

— Земцов! Встань, когда с тобой разговаривает учитель!

Голос Виктора уже гремел. Но Земцов по-прежнему, ухмыляясь, сидел.

— Пашка, встань! — слышался с передней парты чей-то голос.

Но Земцов продолжал сидеть. И, не в силах уже сдержаться, учитель, подхватив хулигана своими «руками» под мышки, почти вынес его за дверь.

— Продолжаем урок, ребята. Садитесь.

И только теперь, опомнившись, понял, что урок он уже вести не может, пропал голос, дрожали руки.

— Я должен извиниться, ребята, за свой поступок... Не перед Земцовым, а перед всеми вами. Иного выхода у меня не было, как только вытолкать его вшаей.

Согнувшись, плохо видя, учитель вышел.

На следующий день, когда пришел в школу, Земцова среди ребят не было.

— Пашка Земцов явился, но мы его прогнали, — заявил учителю староста класса, худенький, остроносый мальчишка — племянник Никиты Королева. Глядел он на учителя исподлобья, как-то смущенно, словно чувствовал себя виноватым. Было заметно, что весь класс тоже взволнован и переживает. Сразу отлегло от души — ребята поняли. Они не осуждают поступок учителя. Они за него. Уже в конце урока Виктор Николаевич предупредил:

— Если Земцов придет, не прогоняйте. Я сам с ним поговорю.

И Земцов пришел. Правда, не сразу, дня через три. При виде учителя, когда тот вошел в класс, высокий плечистый подросток приподнялся, заметно растерянный, без обычной своей ухмылки.

Виктор подошел к нему.

— Земцов! Если не хочешь на моих уроках быть, я тебя не принуждаю. Иди погуляй. Начнется следующий урок — вернешься. Договорились?

И услышал:

— Я больше не буду...

Урок прошел спокойно.

23. В СВОЕЙ СЕМЬЕ

Прошло еще несколько лет... Они не принесли чего-либо нового в жизнь Виктора. Занятия в школе, работа дома в своем хозяйстве. В преподавании появился необходимый опыт. Привыкли к нему и школьники.

Главное, в школе и дома он трудился наравне со всеми.

— Работяга! — говорили про него соседи. — Любит трудиться. — Трудолюбие Виктора вызывало уважение у окружающих. Пила, топор, рубанок, правда, с трудом, с помощью особых приспособлений, подчинялись его «рукам». Уже давно почти полностью он обслуживал себя сам, не нуждаясь в няньках.

Постройка своей новой избы на свободном плане напротив старой затянулась на два года. Но зато они жили теперь в добротном доме — просторном пятистенке, с разными хозяйственными пристройками. На дворе корова, теленок, несколько овец, куры. Жена работала бухгалтером в соседнем леспромхозе, мать, как и прежде, трудилась в колхозе и дома, помогая растить двух внучат — сына и дочь Виктора. Чего же можно большего желать? Кажется, он достиг всего, чего хотел. Жили в достатке, в мире и согласии, без лишних споров и ненужных ссор. Все уважали друг друга. Все трудились. Соседи завидовали, говорили Нине:

— Как хорошо вы живете!..

— Ну как, по-прежнему рисуешь? — интересовался Иван Иванович Сидорин, любивший заглядывать к Виктору в новую избу.

— Иногда рисую.

Учитель рассказал, что от рисования он больше устал, чем от другой работы. Слезился глаз. Боялся его Виктор чрезмерно напрягать. Врачи тоже не советовали.

— А я просто запрещаю... — вмешалась в разговор Нина.

— Она у меня диктатор, — улыбнулся Виктор.

Все же он достал папку и показал старику последние рисунки. Это были карандашные наброски односельчан и возвращавшегося с поля стада. Красками Виктор уже больше не рисовал.

Вышел Виктор проводить Ивана Ивановича на крыльцо. И залюбовался. Солнечным июльским светом была озарена деревня. От недавнего теплого дождя-ливня дымились крыши. Было жарко. Белели на деревенской улице свежими бревнами новостройки. Пахло цветущей липой, тополем, еловой смолой. Виктор медленно прошел по двору в огород, где стоял небольшой сарай и несколько ульев с пчелами. Многое здесь было сделано своими руками: и изгородь на усадьбе, и скамейка возле дома. Подбежала трехлетняя дочка Таня. Отец поднял ее на «руки». Вслед за ней, немного бычась, приблизился пятилетний Николай. Он явно был обижен, что сестренку ласкают, а его нет. Пришлось и его приголубить.

— Дайте отцу отдохнуть! — строго прикрикнула на ребят мать.

Вернулся обратно в избу. Снова устроился за своим столом. Вскоре устал. Много писать тяжело. Пожалуй, тяжелее, чем копать землю или пилить дрова. Близок вечер. Стоя у раскрытого окна, Виктор машинально наблюдает за предвечерней жизнью в деревне.

— О чем ты сейчас думаешь? — спрашивает не-

слышно подошедшая сзади Нина. Ласково обнимает мужа.

— Так, ни о чем, — отвечает он.

— А я знаю-ю-ю... — тянет она. — Беспокоишься, как завтра выступишь с лекцией в Горбатове? Безотказный ты... что ни поручат, соглашаешься. Я бы на твоём месте давно отказалась читать лекции... Разве у тебя, помимо своих забот и поручений райкома, дел мало?

И стала перечислять:

— Лекции читаешь, с докладами выступаешь. Кружок текущей политики в Горбатове...

— Ну, ну, — недовольно перебил жену Виктор. — Я такой же коммунист, как и остальные. Дисциплина для всех одинакова.

Первое время в райкоме и в роно не обременяли его поручениями. А потом, привыкнув, почти не делали исключения, порой не задумываясь, что «выполнить, принять участие» для него не так-то просто. Даже добраться до станции, в районный посёлок в кузове попутного грузовика сложнее, чем для остальных.

24. НЕОЖИДАННАЯ НАХОДКА

Приехав на Октябрьские праздники в Москву и пробыв почти неделю у брата, Виктор толком не видел предпраздничной Москвы. Застрял по своей привычке в Исторической библиотеке. Зрела мысль — раскопать историю родного района, начиная с эпохи Юрия Долгорукого.

Народа в читальном зале было много. Каждый занят своим делом. Ярко горит настольная лампа, освещающая страницы сборника документов эпохи царя Алексея Михайловича, над которым склонился Виктор. Знакомился он с содержанием духовной грамоты царя. И вдруг в грамоте знакомые названия — Ядрино... сель-

цо Горбатово. Ядрино, оказывается, существовало триста лет назад.

Вернулся домой в деревню, все еще переживая свою счастливую находку.

Но все же что такое «сельцо»? Как понималось это слово в XVII веке? Под руками оказалась нужная книга — курс лекций историка В. О. Ключевского.

Дважды прочитал заинтересовавшую его выдержку:

«Селение с церковью, при которой были только дворы причта, да кельи нищих, носило в древности название погоста. Село без церкви, но со двором землевладельца или какими-либо его хозяйственными постройками, хотя бы и без крестьянских дворов, называлось сельцом. Поселки, возникавшие на нови, на поднятом впервые земельном участке, носили название починок. Починок обыкновенно состоял из одного крестьянского двора. С течением времени починок обживался, разрастался. Рядом с первоначальным двором возникали один или несколько других. Тогда поселение становилось деревней».

Отложив книгу в сторону, задумался. Значит, на месте Горбатова тогда было сельцо — возможно, из одного крестьянского двора. А на месте Ядрина, поскольку оно не именуется сельцом, очевидно, несколько построек. Значит, оно было более многолюдным. Может быть, потому, что стояло на берегу реки, несомненно, тогда более многоводной. Значит, Ядрино уже тогда было деревней.

В тетради Виктора Николаевича появилась новая запись. «В грамоте царя Алексея Михайловича, датированной 1672 годом, упоминается Ядрино и сельцо Горбатово».

На уроке в школе рассказал ребятам, что узнал из духовной грамоты царя Алексея Михайловича.

— Триста лет... — шелестело в классе.

Посыпались вопросы и совершенно неожиданные.

— А что, Виктор Николаевич, писали ли до революции в газетах о Ядрине?

— Видел ли кто из наших Ленина?

— Захватили ли в 1812 году Ядрино французы?

— Кто из выдающихся людей в нем бывал?

Учитель даже растерялся.

25. ДИРЕКТОР ШКОЛЫ

Зимой в жизни Виктора Николаевича произошло новое событие. Однажды, когда уже кончились уроки и он уже направился домой, его остановила в коридоре Мария Егоровна.

— Подождите, будет деловой разговор. Очень серьезный, — подчеркнула она. Высокая, немного грузноватая, она как-то за последнее время сдала, стала прихварывать.

— Ухожу на пенсию... Сказываются годы. Хочу рекомендовать вас на свое место директором. Что, не ожидали?

Виктор и в самом деле не ожидал такого разговора. Как преподаватель он уже зарекомендовал себя в педагогическом коллективе и у ребят пользовался уважением. Но быть директором школы?!

— Не справлюсь, — откровенно признался он.

— Я в роно уже советовалась. У них тоже такое же, как у меня, мнение: справитесь.

Так он стал директором Ядринской школы.

Сразу же появились дела и заботы, о которых он, преподаватель, раньше не имел понятия. И зимой и летом, и в учебное время и в каникулы директор отвечает за все — и за понизившуюся успеваемость, и за срыв учебной программы по болезни педагога, и за отопление и свет в школе тоже. А ремонт! Завхоза в небольших деревенских школах, как правило, нет. Достать деньги, приобрести необходимый инвентарь и учеб-

ные пособия — все хозяйственные дела лежат на директоре. Сотни забот. Но, кроме того, он и преподаватель, отец семейства, у него и свое приусадебное хозяйство, требующее времени.

— Наверно, и отказаться можно? — спрашивает мать, видя озабоченное лицо сына. — Силком тебя не заставят.

— Какой же я, мама, коммунист, если еще до дела от дела отказался. А я возьму да попробую вытянуть школу в восьмилетку!

И вытянул!

26. НЕПЕРСПЕКТИВНАЯ ДЕРЕВНЯ

Как и человек, деревня имеет свою судьбу. Одна развивается, становится более обширной и многолюдной, другая угасает без какой-либо надежды остаться на карте области. Таков закон жизни. Ядрино принадлежало к той категории деревень, жизнь которых шла к закату.

А школа во многом зависит от благосостояния колхоза.

— Придется закрыть в Ядрине восьмилетнюю школу, оставить только начальную — четырехлетку, — заявил Виктору заведующий районным отделом народного образования, когда зашел разговор о ремонте школьных зданий.

И видя, как директор школы изменился в лице, обнадежил:

— Но лично вас это не коснется, без работы не оставим.

— Я не о себе... — отмахнулся крайне расстроенный Виктор. — Я о ребятах. Наша школа недавно стала восьмилетней, обслуживает не только Ядрино, соседние деревни, но и поселок леспромхоза.

— Знаю, все знаю. Но представленная вами смета на капитальный ремонт такова, что дешевле построить новое здание для школы, чем ремонтировать старое.

— Тогда надо построить новое.

— Построить! — усмехнулся заведующий роно. — Легко сказать! Пока ваша школа еще держится, занимайтесь. Во всяком случае, в прежнем каменном здании при небольшом ремонте можно оставить начальные классы.

— А старшие классы?

— Распределим. К нам в поселок или в Рамешки...

Так ни о чем и не договорившись, Виктор вышел. В коридоре, оклеенном разными плакатами, встретился с библиотекаршей роно.

— Прислали вам, Виктор Николаевич, заказанные книги по истории Подмосковного края. Зайдете?

— Что, книги?.. Да, да, найду.

«Надо снова собрать педсовет, поговорить с людьми», — размышлял Виктор Николаевич по дороге домой.

— Даем тебе, Виктор Николаевич, коллективный наказ: бороться за нашу Ядринскую восьмилетку, а мы будем помогать, — высказалась Мария Егоровна на педсовете, и все с ней согласились. Уйдя с директорского поста, она еще работала в школе. — Может, действительно подумать о новостройке...

Одно очевидно: если область отпустит деньги на постройку нового здания школы, то спорный вопрос о перспективности деревни сам собой решится в пользу Ядрина.

Чем озабочен теперь директор школы, знают в Ядрине все от старого до малого. Все напряженно ждут.

Не один уже вечер допоздна светится огонь в избе директора школы. Виктор Николаевич сидит за столом, снова занимается подсчетом, во сколько обойдется по-

стройка нового здания школы. Получается слишком дорого. Большая сумма может погубить все дело. Надо на чем-то сэкономить. Проект нового здания школы он не только сам разработал, начертил на миллиметровке, но даже нарисовал на картоне.

«На бумаге получается хорошо», — думал он, разложив план на столе. Через все здание тянется длинный широкий коридор с окнами на солнечную сторону. В коридор выходят двери просторных классов и учебных кабинетов. Рядом отдельно расположены хозяйственные постройки.

— Это дворец, а не школа, — изумляется секретарь райкома, побывав в школе и ознакомившись с проектом, эскизом и выкладками Виктора Николаевича.

И теперь идут они неспешно вдоль деревни и беседуют. На пригорке за речкой желтеет свежими бревнами недавно выстроенный колхозный коровник на сотню с лишним голов. Поодаль темнеют ометы соломы, стога с сеном, силосная башня. Блестит запруженная плотиной широко разлившаяся речка. От скотного двора легкий ветерок доносит запах силоса. После недавнего укрупнения колхоза (вошло в него 17 деревень) Ядрино стало животноводческой бригадой.

Разговор все кружит вокруг школы.

— Вот... — указывает Виктор Николаевич на разбредшееся по жнивью поля стадо породистых черно-белых холмогорок. — Все мои «школьные союзники и единомышленники».

— Коровы? — Секретарь думает, как отнестись к шутке директора.

— Так точно! Самые надежные, незаменимые. Все они каждодневно агитируют за новую школу. Если колхоз построил новый скотный двор и подсобные помещения, выложил более сотни тысяч рублей на это, значит, в деревне должны быть доярки, скотники, люди, заготавливающие корма. А для их детей школа.

Этот довод теперь ему кажется особенно убедитель-

ным. В свое время, когда колхозное хозяйство Ядрина пошло на убыль, он как депутат сельсовета на правлении колхоза особенно рьяно настаивал на развитии общественного животноводства в Ядрине, учитывая обилие вокруг сенокосных угодий. Написал в областную газету статью о том, что ни одна из семнадцати деревень в зоне колхоза не имеет для животноводства таких преимуществ, как Ядрино. И теперь вопрос о неперспективности деревни сам по себе разрешился.

А тогда он совершенно не думал, что его предложение в недалеком будущем может пригодиться для школы.

Вскоре в большом конверте на имя директора школы пришел ответ из облисполкома: «Окончательно вопрос о постройке нового здания для школы в Ядрине будет решен позднее».

Повода для радости или печали не было.

«Хорошо, что не отказывают, надеяться еще можно», — думал Виктор. Все же решил сам побывать в облисполкоме.

Заведующая отделом облисполкома, средних лет белокурая женщина, с усталым хмурым лицом, встретила его приветливо, терпеливо выслушала, разъяснила:

— Раз окончательно вам не отказано, можно надеяться.

Учтиво проводила до двери, пообещала:

— Я сама прослежу за вашим делом.

Виктор Николаевич вышел на улицу. Он еще не решил, как быть дальше. Зашел по пути в столовую, позавтракал.

Что же делать? Возвращаться домой?.. Но результата-то нет! И решил побывать у своего депутата Верховного Совета.

— Вам к кому? — сразу же остановила его в подъезде полная женщина-лифтерша.

Терпеливо объяснил, присев рядом на стул. И снова, как и в облисполкоме, взгляд женщины смягчился. Сама

на лифте проводила его до четвертого этажа. Сама звонила.

Их депутат в Верховном Совете, ученый с мировым именем, в своем кабинете, обставленном шкафами с книгами, спокойно выслушал депутата сельсовета. Прочитал заранее подготовленное Виктором от имени сельсовета письмо, сделал пометки в своем блокноте.

...Утром в деревне призывно зазвучал набат.

— Воскресник — едем в леспромхоз за стройматериалом для школы.

Пришли не только свои, собрались и из окрестных деревень. Такого многолюдья давно уже не наблюдалось в Ядрине.

С раннего утра Виктор на ногах: только что был в деревне, а теперь в лесу в пяти километрах от Ядрины. Трещат и падают на землю строевые елки, сосны.

Через десять дней снова воскресник. Роят траншеи под фундамент будущей школы.

Вслед за вторым воскресником третий...

...Осенью работа закипела. На строительной площадке появились каменщики, пильщики, плотники. Пригодился своевременно заготовленный и подвезенный лес, вырытые траншеи под фундамент. Но хлопот у депутата сельсовета, директора школы, не убавилось. По-прежнему он отвечал за все и за всех, но как радостно стало работать! Строили школу не только штатные строители, помогали им и колхозники.

— Хозяин!.. С тебя магарыч приходится, — шутило кричал Виктору Гриша Цыганков, подволакивая на тракторе заготовленные в лесу бревна.

Директор, в измятой соломенной шляпе и в грязных от налипшей глины сапогах, стремился поспеть всюду: только что его видели в правлении колхоза, а час спустя он уже разговаривал на стройке с плотниками. Немного погодя он был уже в школе, где занятия шли в две смены.

Новое здание школы росло. Поднимался на высоком

кирпичном фундаменте сруб из еловых бревен. Забелели в стенах косяки окон. Легли на переводы пола свежеструганные доски, распространяя вокруг крепкий смолистый запах. Поднялись над обширным вытянувшимся в длину срубом стропила, оделись железной крышей.

Осенью побывали в деревне и друзья детства — Сашка Птица и Володя Макарецв. Александр в офицерском мундире, уже с четырьмя звездочками на погонах — капитан, по-прежнему живой, говорливый. Владимир такой же долговязый, с улыбочивыми голубыми глазами, в модном светлом костюме. Работает на заводе в Москве и, судя по разговору, вполне доволен своей жизнью.

— Ну а ты как живешь? — спрашивали друзья у Виктора.

— Живу в деревне... Отстал от вас.

— Ишь, приbedняется, — кивали они на него. — Школу новую построил — за одно это орден тебе следует дать.

— Ну а с курганами как? — с улыбкой спросил Владимир. Помнил сокровенную думку друга — раскрыть тайну курганов.

— Для того чтобы рыть курганы, нужно прежде всего вырастить в школе настоящих краелюбов, — отозвался Виктор Николаевич, — об этом прежде мечтаю.

27. В КОПИЛКУ ИСТОРИИ КРАЯ

Дома вечером на столе самовар давно уже перестал урчать. Темнел недопитый чай в чашке. Лежал на тарелке недоеденный кусок пирога, а директор все ходил по большой горнице, заложив за спину руки. Теперь не было сомнения; Ядрино существовало и до царя Алексея Михайловича.

В одной из книг, полученных районной библиотекой из областного обменного фонда, приводилось содержание духовной грамоты князя Федора Волоцкого, датированной 1513 годом. В этой духовной грамоте распределялись между сыновьями и дочерьми принадлежавшие князю деревни и села. Упоминалась в грамоте и молодая жена князя — Мария. Княгине «в пожизненное владение» отдавалось Ядрино. Так было сказано в грамоте. Но почему князь завещал своей любимой жене Ядрино? Ведь во владениях волоцкого князя были десятки деревень и сел? Именно Ядрино, а не какую-либо другую деревню? Значит, на это были какие-то основания. Надо полагать, Ядрино уже и тогда имело какое-то значение. Во всяком случае, состояло не из одной курной избышки или церквушки с погостом. Иначе зачем княгине нужна была деревня? Чем-то Ядрино в то время выделялось. Это предстояло выяснить.

И тут вдруг Виктора озарило вдохновение. Как это ему сразу не пришло в голову? **ДЕРЕВНЯ ЯВЛЯЛАСЬ КЛЮЧЕВЫМ ПУНКТОМ НА ВОЛОКЕ.** Горбатово в грамоте не упоминается. Значит, оно тогда не существовало, появилось позднее, но Ядрино стояло.

Как он был теперь благодарен князю Федору, что тот не позабыл упомянуть в своей духовной Ядрино!

...Виктор Николаевич был в районном поселке. Из рона зашел в райком партии. Пришлось подождать, пока секретарь освободится. Сел в приемной, вынул из кармана выцветший, написанный чернильным карандашом почти полувековой давности документ, стал читать.

«Протокол общего собрания крестьян деревни Ядрино»

22 ноября 1918 года. Собралось и присутствовало 128 человек. Собрание открыл речью вернувшийся с фронта империалистической братоубийственной войны солдат П. Алексеев. Он рассказал о международном по-

ложении и призвал народ дать отпор мировой буржуазии, организовать в Ядрине крестьянский, большевистский Комитет РСДРП(б). За предложение Алексева высказалось 11 человек, против 5 человек. Решили организовать в Ядрине Комитет большевиков с членским взносом с каждого в один рубль. Записалось в Комитет большевиков 34 человека. Были намечены кандидаты. Выборы проводились тайным голосованием. Большинство голосов получил вернувшийся с фронта солдат П. Субботин. Товарищем председателя избрали С. Свищунова. Секретарем местного комитета и одновременно казначеем А. Сергеева...

Судя по знакомому почерку, протокол был написан учителем Дим Димычем. Значит, он тоже присутствовал на этом собрании и, очевидно, тоже записался в большевистский комитет. Иначе какой смысл было хранить ему черновик протокола?

— Входите. У Василия Васильевича уже никого нет, — напомнила Виктору технический секретарь.

Заторопился, так с документом, прижатым к груди, направился в кабинет. Из-за стола поднялся секретарь в гимнастерке, с колодкой разноцветных орденских ленточек.

— Ну как дела, Виктор Николаевич? Как живешь? Чем дышишь?

— Дела идут нормально. Вот пришел посоветоваться с вами.

Директор школы присел на стул.

— Я, как вы знаете, историк... И как историк решил вместе с ребятами школы заняться изучением истории своей деревни и школы, которой скоро исполнится сто лет. Мы организовали кружок юных историков. Вот ребята недавно какой документ разыскали.

Виктор Николаевич положил перед секретарем на стол ветхий документ.

— Интересно!.. Выходит, что ваша деревня одной

из первых в нашем районе создала парторганизацию.

Секретарь вслух прочитал:

— «...выбирают тайным голосованием президиум.
Выбраны: П. Субботин, С. Свистунов, А. Сергеев.
А что, эти люди живы теперь?

Директор школы с заметным сожалением покачал головой.

— Никого уже нет в живых.

— А остальные? В протоколе упоминается, что записалось в комитет 34 человека. Кто они?

— Вот этим мы теперь и занимаемся, узнаем. Протокол ребята нашли в свертке бумаг на чердаке старого здания школы. Кстати, у первого большевика в деревне Петра Алексеева есть в деревне близкая родственница. Ей уже семьдесят пять лет. Зовут ее Марфа Ивановна Алексеева. Она во время оккупации совершила подвиг.

Виктор Николаевич рассказал об Алексеевой.

— Что ж... дело вы затеяли хорошее, — похвалил секретарь. — Протокол пока оставь у меня. Может быть, в областной газете напечатают. Насчет Марфы Ивановны Алексеевой... попросим областную газету прислать журналиста. О ее подвиге следует рассказать народу.

Что-то вспомнив, секретарь райкома добавил:

— Кстати, я недавно был в нашем краеведческом музее и узнал, что Иван Болотников родом из нашего селения Микулино Городище.

— Я знаю, — отозвался Виктор Николаевич.

Секретарь вышел из-за стола, прошелся по кабинету, уставился на «руки» Виктора Николаевича:

— Почему не сделать тебе на одной культе расщеп между костей? Вроде двух пальцев? Тебе бы легче было брать любой предмет, да и писать бы рукой можно.

Виктор Николаевич отрицательно покачал головой:

— Говорят, культы тогда более болезненно себя чувствуют, ослабляется мышечная ткань. Теперь у меня рабочие культы, позволяют физически работать. А лишить их этого качества, неизвестно, легче ли мне бы стало?

— А я видел в Москве у одного молодого писателя тоже культю. Но на правой руке у него съёмный протез с крючком. С помощью этого протеза он пишет, держит ложку.

— Мне нельзя. Тогда нужно укорачивать культю. Иначе с протезом получится слишком длинная рука.

— Ну смотри, тебе виднее. А то мы по линии райкома могли бы тебя направить в протезный институт.

Поблагодарив секретаря, Виктор Николаевич не спеша вышел из райкома.

В бумагах Дим Димыча находилась тетрадка с разными сведениями о жизни деревни. На одной из страниц было сказано, что во время нашествия Наполеона за помощь партизанам французы сожгли Ядрино. Откуда учитель взял такие сведения? Дальше рукою учителя было написано, что царские войска в Смутное время сожгли деревню за участие в восстании Ивана Болотникова. Значит, учитель уже знал, что в то время Ядрино существовало? Откуда он взял эти сведения? Возможно, существуют и теперь книжные источники, до которых Виктор Николаевич еще не добрался? Или это только догадка историка?

Обязательно летом с ребятами нужно побывать на родине Ивана Болотникова.

28. ГРАМОТА ВАСИЛИЯ ТЕМНОГО

В деревне домашние Виктора Николаевича уже привыкли к его поездкам в Москву, где он потом задерживался больше обещанного. И на этот раз он задержался, вернулся из Москвы домой поздно вечером, радостный и чем-то возбужденный. Едва переступив порог, заявил:

— Ну, мать, пеки пироги, будем отмечать праздник!..

— Это с какой же стати?.. Какой праздник? — спро-

сила Анна, закрыв за сыном дверь. Под мышкой он держал завернутую в газету толстую книгу.

Не спеша разделся, снял заляпанные грязью сапоги с натруженных ног — пришлось возвращаться со станции пешком — и только теперь пояснил:

— Будем отмечать новую годовщину рождения деревни.

— Что-то не пойму я, о чем ты говоришь? — призналась мать.

— Существовало наше Ядрино не 450 лет, а, пожалуй, на сотню побольше. Поняла?

В разговор вмешалась жена:

— Кто это тебе сказал?

— Умная голова... — Виктор Николаевич весь светился от радости. — Василий Темный.

Видя, что больше держать своих домочадцев в неведении нельзя, толково объяснил:

— Речь идет о великом князе Московском Василии Темном. Жил он в XV веке. А когда пришло время умирать — случилось это в 1462 году, — составил духовную, в которой упомянул про наше Ядрино. Теперь понятно?

И раскрыл второй том «Истории России» С. М. Соловьева на нужной странице. Там говорилось о нахождении вблизи Волоколамска Ядрине!

...Светает. Слышно, как по деревне перекликаются петухи. Виктор Николаевич вышел на крыльцо. Остро, горьковато пахло осиной от свеженаколотой поленицы дров. На луговине серебрилась роса. Над речкой, петлявшей в низине по оврагу, стояли седые косяки тумана. Рядом полого поднимались курганы, немые свидетели далекой седой старины. Как их заставить говорить? Может быть, они еще подскажут что-нибудь о прошлом деревни? Внизу в зарослях кустарника звонко пели какие-то птицы. Они заливались на разные лады. Может быть, и пятьсот лет назад на этом месте тоже стояла усадьба, росли яблоки и так же бойко заливались птицы. И так же вышел их послушать на заре человек, его

земляк — ядринец. Как его звали? Может быть, Добр... Храбр?.. Наверное, была у него жена, и, может быть, звали ее Ждана... Любава? У славян были тогда звучные, ласковые имена. Как они тогда жили? О чем думали, мечтали? Только ли о хлебе насущном?

29. ПО СЛЕДАМ ПРОШЛОГО

Секретарь райкома сдержал свое слово — передал протокол исторического общего собрания граждан Ядрина в редакцию областной газеты. Вскоре в «Московской правде», в хронике партийной жизни, появился текст протокола, правда, в несколько сокращенном виде. Сдержал свое слово секретарь и в отношении Марфы Алексеевой. В Ядрино из Москвы приехали два журналиста.

Зимой, еще при жизни Марфы Ивановны, в областной газете начала печататься документальная повесть о подвиге ядринской колхозницы. Впервые многие в деревне узнали, что подпол избы Алексеевой служил не только госпиталем, но и сборным пунктом красноармейцев, попавших в окружение. Из подпола переодетых в гражданскую одежду красноармейцев в глухую полночь переправляли в лес, а затем и дальше. И все это под носом у гитлеровцев.

С перерывами повесть в областной газете печаталась почти месяц.

Своим чередом шла работа кружка юных следопытов-историков. Давний интерес ребят — видел ли кто из деревенских Ленина и как жило Ядрино в первые годы революции — отобразился в плане кружка. По рассказам стариков удалось установить, что, помимо Петра Алексеева, по крайней мере три деревенских жителя видели Ленина. И среди них учитель Дим Димыч. Ездил он в 1920 году на Всероссийский съезд учи-

телей и об этом в свое время рассказывал односельчанам.

На одном из заседаний кружка возникла идея создать в школе музей истории деревни. Ребята наперебой сами перечисляли, что нужно для музея.

— Фотографии людей, чем-либо прославивших деревню.

— Письма и фото земляков, погибших во время Великой Отечественной войны.

— Вырезки из газет о трудовых успехах колхоза.

— Виктор Николаевич, а когда мы побываем на родине Ивана Болотникова? — напомнили ему ребята. — Вы давно нам обещали.

— Да, обещал, — согласился директор школы, — сразу же давайте для экскурсии наметим день.

...Утром на лужайке возле школы толпились ребята. Подошел директор, одетый тоже по-походному, с полевой сумкой на плече.

Километров пятнадцать, как он условился накануне в леспромхозе, ребят подвезет попутный грузовик. Дальше, почти столько же, предстояло идти пешком.

Шли пыльной проселочной дорогой, мимо зеленых колхозных полей и негустых березовых перелесков, зарослей дубняка. По сторонам небольшие селения с колодезными журавлями, с убегающими вдаль столбами электро- и телефонных проводов.

— Полагаю, ребята, что мы идем тем же путем, которым в средние века двигались друг на друга войска Московского князя и Тверского... — рассказывал по дороге учитель. — Многократно, как свидетельствует летопись, происходили здесь ожесточенные схватки между княжескими дружинами за первенство на Руси...

Остановились у крутого оврага, заросшего ольшаником и хмелем, по дну которого протекала небольшая речка.

— Привал! — распорядился учитель.

Ребята расселись полукругом. И снова продолжалась

беседа. Устали в этот день Виктор Николаевич не чувствовал. Никогда прежде ребята не видели его таким воодушевленным, многословным, с таким запалом рассказывающим о прошлом.

— ...А то, что битвы эти были многолюдные, есть свидетельства. Древние историки приводят такие данные. Когда в 1375 году Московский князь отправился походом на соседнюю враждовавшую с ним Тверь, к его собственным войскам присоединилось еще 19 князей, каждый со своей дружиной...

Не оставались ребята равнодушными к словам своего учителя. Сыпались вопросы.

— Спрашиваете, чьи мы тогда были? Тверские или московские? Вначале тверские. Но при князе Федоре Волоцком вошли наши земли в состав Великого княжества московского.

— Почему так ожесточенно воевала Тверь с Москвой?

— Дело не только в княжеском самолюбии. Создавалось тогда, крепло наше Русское государство. Чтобы быть сильной, непобедимой, окруженная со всех сторон, хорошо вооруженными врагами Русь должна была быть единым, централизованным государством, подчиненным одному князю, иметь одно войско, одну столицу. Таковой стала Москва!

Немного отдохнув возле речки, снова бодро зашагали. Впереди за осиновым перелеском зачернели постройки селения.

— Вот, ребята, Микулино Городище... мы и пришли.

Небольшое селение, ничем не примечательное. По сторонам на пригорках поля с овсом, пшеницей, льном. Сбоку в овраге журчит ручеек. У ближайшей избы на кольях чернеют горшки и кринки.

— Самое древнее селение в нашем крае.

Голос учителя звучит торжественно. Село с тысячелетней биографией, несмотря на свои скромные размеры, внушает к себе уважение.

— В очень древние времена Микулино Городище было городом. Существовало еще до Москвы. О нем неоднократно упоминали в своих трудах все русские историки. Принадлежало оно Твери. В результате междоусобных войн Микулино Городище настолько запустело, что стало «городищем» — небольшим селением. Принадлежало позже, в XV веке, царскому воеводе князю Телятевскому, весьма храброму воеводе, вошедшему в историю. Здесь в подневольной крестьянской семье родился и вырос Иван Исаевич Болотников. Если вы побываете в Волоколамске в краеведческом музее и посмотрите на портрет Ивана Исаевича, то увидите умные, проницательные, с хитринкой глаза, крепко сжатые тонкие губы, свидетельствующие о силе воли, о твердом характере. Возглавил он восставшее крестьянское войско, выступившее против ставленника бояр — царя Василия Шуйского.

— А наши... ядринцы тоже были крепостными? — прервал учителя кто-то из ребят.

— Во время крепостного права Ядрино принадлежало монастырю, а не помещику.

— Какому?

— Троице-Сергиевой лавре.

Медленно прошли по широкой, заросшей травой деревенской улице мимо обычных, ничем не выделяющихся построек.

Вернулись домой к вечеру. Изрядно устали. Но никто из ребят не роптал. Все были довольны экскурсией.

30. ЗЕМЛЯКИ, МИЛОСТИ ПРОСИМ К НАМ...

В районной газете появилась заметка Виктора Николаевича «Земляки, откликнитесь!». В ней шла речь о переписке ядринских школьников с бывшими односельчанами.

— Ну а результаты? — спросил секретарь райкома, когда директор школы заглянул к нему. — Откликнулись ваши бывшие односельчане?

— Отвечают наши земляки. Обещают навеситить!

— Вызывал я тебя вот по какому поводу. — Секретарь вынул из ящика стола письмо. — Пришел ответ на наш с тобой запрос в партархив. К сожалению, там нет материалов о дальнейшей жизни Ядринской организации большевиков. Очень жаль.

Виктор Николаевич тоже возлагал большие надежды на партархив.

Возвращаясь домой, думал: «А что, если пригласить односельчан, комсомольцев довоенных лет, всем в один день побывать в деревне. Организовать что-то вроде дня ядринского землячества?»

...В начале июня, в один из субботних вечеров, ядринские комсомольцы двадцатых и тридцатых годов собрались на курганах. Приехали к деревенским школьникам их земляки из Москвы и Ленинграда, с юга и севера, из разных краев, куда их забросила жизнь.

Уже темнело. На вершине кургана возле приземистых вековых, широко раскинувших свои лапчатые крылья елок ярко горел костер. Запоздавших встречали торжественно с горящими факелами в руках. Слышались радостные возгласы, смех, обнимались, целовались. На глазах у ребят встречались люди, не видевшиеся несколько десятков лет.

На безоблачном светлом небе спокойно мерцали звезды. Вокруг курганов на многие километры было разлито спокойствие и теплынь. Пахло черемухой. Неумолчно в густой зелени соседнего оврага заливались соловьи.

А гости сидели возле костра и вспоминали свои минувшие, юные годы. Рядом с земляками у костра сидели скромные хозяева этого торжества: директор школы и школьники-комсомольцы. Перед ними были люди, ко-

торые многое знали о послереволюционных годах их Ядрина.

Среди приехавших был родной брат Петра Алексева, организовавшего тогда в 1918 году большевистскую ячейку в Ядрине. Был сын Свистунова, того самого, который в 20-е годы входил в состав президиума деревенской большевистской организации. Они много рассказывали о своих близких.

Короткая летняя ночь на исходе. Вокруг полная тишина. Смолкли лягушки в болотистой ложбинке. Утихли верещавшие с вечера цикады. Замерли и соловьи в зарослях ольшаника. Небо на востоке чуть-чуть порозовело. Растаяли звезды. Сильно повеяло сыростью. Засеребрилась роса. Костер чуть-чуть тлел.

Досыпать ночь пошли все на колхозный сеновал.

А днем ходили по деревенской улице и удивлялись: так все изменилось. Только деревенская улица с пригорками, ложбинками, заросшая вереском и лопухами, казалось, осталась прежней.

Зашли на скотный двор, куда на полдень вернулось стадо — более сотни породистых черно-белых холмогорок. Поинтересовались у доярок, какой надой?

— Заняли первое место в районе, — пояснил Виктор Николаевич. Он выступал главным консультантом.

Привезли гости и подарки деревенской школе — свои воспоминания о прошлом Ядрина, вырезки из старых газет, случайно сохранившиеся черновики протоколов заседаний бюро комсомольской ячейки, фотографии. Обещали прислать и новые материалы. Школьный музей сразу получил солидное пополнение. Собралось такое множество интереснейших фактов, что краеведы решили рассказать о них в районе. Поручили это сделать Виктору Николаевичу.

Осенью в районной газете стали печататься очерки об истории общественных организаций в Ядрине и о том, как жила деревня в первые годы революции. В редакционной статье к очеркам сообщалось:

«На страницах нашей газеты мы не раз рассказывали о пионерах и комсомольцах Ядринской школы. Настоящие следопыты — ребята под руководством своего директора Ильина сумели «прочесть» многие забытые страницы прошлого, установили прочные связи с ветеранами революции, бывшими комсомольцами, людьми, которые связаны были с общественной жизнью деревни. Сегодня мы начинаем публикацию некоторых материалов, собранных школьниками».

Эти очерки Виктор Николаевич привозил в редакцию уже отпечатанными им самим на пишущей машинке. Да и доставлял их Ильин в редакцию сам — добирался в районный центр самостоятельно на мотоцикле.

* * *

Если вам, дорогой читатель, придется ехать на поезде или по автострате из Москвы в сторону Ржева, то после Волоколамска в лесном краю, там, где издревле Московская земля соприкасается с Тверской и Смоленской, возвышаются два пологих кургана, а рядом в лошине находится небольшая деревня. Там и теперь проживает мужественный русский человек Виктор Николаевич Ильин.

20 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ